

72

В. Г. Гак

ПРОСТРАНСТВО ВРЕМЕНИ

Понятие времени занимает определенное номинативное поле в семантической структуре языка. Это поле, объединяющее темпоральные слова и грамматические формы, мы называем пространством времени. Любое семантическое поле характеризуется внутренней и внешней структурой. В первом случае — во внутренней структуре — выявляются различные оппозиции, характеризующие и членящие общее понятие времени. Внешняя структура поля времени определяется его связями с иными семантическими полями. Эти связи проявляются в переходах от понятия времени к иным понятиям и в переходе от иных понятий к понятию времени. Семантические переходы проявляются в многозначности темпоральных слов, в значениях фразеологических единиц с темпоральными словами и в значении слов, производных от темпоральных слов.

Мы кратко рассмотрим внутреннюю структуру понятия времени, отражающуюся в языковых формах. Это многократно — и по-разному — описывалось на материале различных языков. Более подробно будут проанализированы элементы внешней структуры, то есть связи понятия времени с иными понятиями. Объем статьи не позволяет рассмотреть всю совокупность слов поля времени (*год, неделя, месяц, день, час* и др.), мы ограничимся словом *время* в разных языках, основываясь прежде всего на данных толковых или переводных словарей русского, латинского, французского, английского, испанского и итальянского языков.

Внутренняя структура поля времени, как она отражается в языковых формах (прежде всего в глаголах, наречиях, но также и в других частях речи), может быть описана следующим образом. Прежде всего различается внешнее и внутреннее время процесса.

Репрезентанты внешнего времени отвечают на вопрос *когда?* (*вчера, в прошлом году*), репрезентанты внутреннего времени — на вопрос *как?* (*быстро, вдруг...*). Между ними находится группа, объединяющая оба этих аспекта и отвечающая на вопрос *сколько времени?* (они показывают длительность, повторяемость).

Внутреннее время процесса выражается не только наречиями и глаголами, но, в частности, как показал это Гийом, и категорией вида. Языковые элементы, отображающие внутреннее время, особенно наречия, имеют тенденцию к выражению положительной или отрицательной оценки, эмоций (например, в значении «очень быстро» *полным ходом* имеет положительную оценку, *только пятки сверкают* — отрицательную, соответственно в значении «медленно» *неторопливо* и *черепашиным шагом*). Оценочный элемент приобретают и многие способы действия (например, длительный способ нередко сопровождается отрицательной окраской: *просидеть целый час*).

Внешнее время делится на три больших разряда, которые можно определить терминами хронография, хронометрия и хронология (в разных работах эти термины наполняются различным содержанием). В каждом из разрядов различается абсолютное и относительное временное значение.

Хронография указывает на определенное время, место события во времени, дату. Это указание может быть абсолютным, то есть выраженным в принятой в данном социуме системе летоисчисления (*в 1995 году н. э.*) или относительным, определяемым по отношению к другому событию (*через 50 лет после войны*) [1, 73]. Всякая абсолютная система летоисчисления при своем зарождении была относительной.

Хронометрия определяет длительность события, которая также может быть определена абсолютно, в принятых единицах меры времени (*два часа*) или относительно (*с утра до вечера*).

Хронология устанавливает последовательность событий, которая также может быть абсолютной (по отношению к моменту речи: *сегодня, завтра, вчера*) или относительной (по соотносительности с иным моментом: *в тот день, на следующий день, накануне*).

Внешняя структура поля времени определяется, как отмечалось, его связями с другими понятиями и явлениями. Ввиду отсутствия четких разграничительных линий между явлениями объективной действительности и расплывчатости понятий, которыми оперируют люди, во многих случаях представляется невозможным провести четкие границы между «временем» и «не-временем». Но все же можно определить ближнюю и дальнюю

периферии, ближайших и дальних «соседей» понятия времени. Внешние связи понятия времени реализуются в трех явлениях: в переходе от иных понятий к понятию времени, в переходе от понятия времени к иным понятиям и в синкретизме понятия времени и другого понятия, когда в определенном контексте время и другое понятие выражаются неразрывно. Самые общие тенденции в изменении значений языковых фактов (языковых выражений) образуют такую последовательность:

(качество, место) → (количество, время) →
(логические отношения, модальность, интензивность,
оценка, экспрессивность).

Общее развитие смыслов идет от более конкретного, чувственно воспринимаемого к более отвлеченному. Выражение субъективного отношения, оценки является конечным этапом семантического развития многих слов и форм: все способы выражения субъективных значений в языке вторичны. Однако связь между понятиями проявляется и в обратимости этих отношений: значение языковых форм может развиваться не только в направлении: место → время, но и время → место. «Бытие и время взаимно определяют друг друга», — писал М. Хайдеггер [2, 392]. Время представляет собой общий кадр, в котором имеет место бытие и всякое бытие может переходить во время и время может переходить в различные формы бытия. Нет времени вне человека. В бытии, следовательно, особое значение имеют два аспекта: действующий субъект и окружение. Мы рассмотрим вначале переход от других понятий к понятию времени, затем от времени к другим понятиям.

А. Другие поля → время. Время определяется через элементы бытия.

Движение → время. Время становится очевидным в результате двух процессов, связанных с движением: повторяемости события и длительности протекания его. С этим связаны два способа измерения времени: измерение его на основе повторяемости движения определенного объекта (луны, солнца), колебательных движений (это принцип обычных часов) и измерение его на основе длительности процесса (это принцип песочных часов). Переход «движение» → «время» вполне закономерен: русское слово *время* восходит к корню со значением «вращать», «круговращение». лат *anno vertente* значит «в течение года». Мы увидим ниже, что именно движение позволяет в ряде случаев различить временное и пространственное значения.

Пространство → время. Это также известный и частый во всех языках переход. Многие временные союзы и предлоги восходят к пространственным словам, нередко пространственные предлоги и наречия в качестве вторичной функции выражают временное значение, например, франц. *à, de, dans*, русск. *от, до, в, через, около, за* (ср.: *за версту от* и *за день до*) и др. В современной разговорной речи можно встретить подобные явления. Франц. *d'ici en huit* (букв. «отсюда через восемь») значит «через неделю». В русской разговорной речи *где-то* выражает приближенность не только пространственную, но и временную: *Приду где-то около восьми*. Франц. *espace* «пространство» образует выражения с временным значением: *l'espace d'un matin* «в течение одного утра».

Занятие → время. Любое занятие протекает во времени. Всякое слово, обозначающее процесс, может метонимически указывать на временной промежуток. Предлоги при таком существительном приобретают временное значение: ср. *за столом, за стеной* и *за обедом, в дом* и *в обед*.

Человек → время. Имя человека может давать обозначение эпохи, определенного времени: *при Петре I, sous Louis XIV*.

В процессе отмеченных переходов нередко наблюдается синкретизм: так, только контекст и ситуация позволяют определить, имеем ли мы дело с преимущественно временными или с пространственными отношениями либо с синкретизмом, при котором в равной степени выражаются и те и иные отношения. Вот примеры с наречием *потом*: *Теперь идет сенокос, потом бабы рожать начнут* (МАС). Здесь несомненно выражены временные отношения, в цитате: *Мы обошли кругом сада <...>. Сначала идут деревья <...>, потом кусты* (МАС) выражены одновременно и пространственные, и временные отношения. Во фразе (говорящий смотрит на план) *Вот Воздвиженка, потом идет Новый Арбат, потом Кутузовский проспект* речь идет только о пространственных отношениях. Время и пространство дополняют друг друга. Если субъект не движется, но есть изменения, то фраза получает временное прочтение, если субъект движется и имеются изменения в пространстве, то предложение носит синкретический характер, если же субъект не движется и изменений нет, то выражаются только пространственные отношения.

В. Время → другие поля. Элементы бытия определяются через время.

Время → становление, исчезновение. Все существует во времени. Хайдеггер говорил, что время приходит и уходит. Про-

шедшее и будущее — это уже не и еще не. Поэтому во многих употреблениях понятие «время» указывает на становление — существование и исчезновение. Выражения *время покажет, время работает на...* означают «еще не, но...». Проверка временем указывает на отсутствие изменения. Время устраняет настоящее, это звучит в выражениях: *Время врачует душу, заживает раны.*

Становление и исчезновение теснейшим образом связаны с изменением качества объекта. Франц. *faire son temps* значит «отслужить, обветшать, потерять качество». Со временем предмет портится, но бывают обратные случаи: качество его улучшается.

Время → действие, деятельность. Любое действие, занятие протекает во времени. Во многих употреблениях слово *время* символизирует определенное дело, занятие, которому должно быть отведено данное время. *Надо время, времени не хватает, есть еще время, это займет много времени, найти время для..., распределение времени.* — эти и многие другие выражения указывают не на само время, а на дело, на работу, которые нужно выполнить. Нередко вид занятий получает наименование по отводимому на него времени, например, во французской социологии: *temps libre* (досуг), *temps contraint* («вынужденное» время: транспорт, магазины), *temps obligé* (служебное, рабочее время). Человек не в силах изменить ход времени, влиять на него, создавать или уничтожать его, и выражения, в которых речь идет о манипулировании со временем, фактически касаются не самого времени, но тех дел, которые нужно было бы выполнить в данный отрезок времени. *Зря тратить время, убивать время,* франц. *gacher son temps* (букв. «портить время») значит не выполнить определенного дела, ничего не делать полезного. *Temps mort* обозначает момент бездействия. *Наверстать упущенное время* значит выполнить работу в задуманный срок. В афоризме Файоля *Le temps n'épargne pas ce qui est fait sans lui* (букв. «Время не щадит того, что сделано без него») игра слов построена на столкновении двух отмеченных употреблений понятия «время»: время = работа и время = порча, исчезновение. Время может заполняться любым занятием, в том числе и отдыхом, развлечениями: франц. *se donner du bon temps* значит «хорошо отдохнуть».

Время → обладание. Этот семантический сдвиг не фиксируется ни в одном из четырех рассмотренных нами русских толковых словарей, но он специально отмечен во французском «Большом Робере». На философском уровне о принадлежности времени человеку высказывались противоречивые суждения. Если испанский

философ Грасиан говорил «Только одна вещь принадлежит нам — это время», то француз Бюффон утверждал, что «Из всех вещей время менее всего принадлежит нам и более всего нам недостает». Но в сфере обыденного словоупотребления время несомненно рассматривается как одно из присущих свойств человека, свидетельством чего может быть свободное употребление посессивов при этом слове: *проводить все свое время за..., терять свое время, быть хозяином своего времени*. Но более интересны те случаи, когда понятие времени наполняется понятием «имуущество, владение». Это употребление может рассматриваться как дериват предыдущего. Работа, совершаемая человеком в определенный отрезок времени, может приносить блага, капитал. Отсюда и поговорка *Время — деньги*, сюда же можно отнести и некоторые использования выражения *Время дорого*.

Время → пора, удобный момент. Время связано с определенным действием; может акцентироваться начало этого действия, наличие условий для его совершения и окончание, завершение процесса. Инхоативный оттенок подчеркивается словом *пора*, финитный — словом *срок*. Слово *время* часто используется в значении «пора», «удобный момент»: *Есть время собирать камни и время разбрасывать камни*. Приведем более прозаические случаи подобного употребления слова: *В надлежащее время* (здесь, пожалуй, актуализируется оттенок «срок»); *Самое время идти обедать*; *Время подошло*; *Время не терпит*; *раньше времени*, а также *безвременно*.

Время → отрезок времени. Время может восприниматься в его бесконечной длительности и как определенный отрезок этой длительности. В латинском языке эти два аспекта времени различались лексически: *aevum* указывало на время в его континуальности, *tempus* — на определенный период времени. В народных романских языках *aevum* сохранилось только в «наращенной» форме: *aestas*, *aestaticum*, откуда ит. *età*, исп. *edad*, франц. *âge* в значении «возраст; век». Сохранившееся *tempus* стало употребляться в обоих значениях. Для выражения долгого времени оно использовалось во множественном числе. Значение «отрезок времени» актуализируется в употреблениях: *на время, временный*. Слово *время* приобретает в разных языках целый ряд узких значений, указывая на специализированный отрезок времени, занятый определенным процессом, действием, например, *срок военной службы, срок заключения, рабочее время* (англ. *full time*, франц. *à mi-temps*), в спорте — англ. *time «тайм»*, франц. *mi-temps*. Сужение значения обнаруживается и

в выражении *платить за время* (выступления по телевидению), а также в *времена года*.

Время → эпоха. Всякое время в жизни общества наполнено событиями, идеями. Поэтому время может обозначать обстановку, совокупность идей и ситуаций, свойственных определенной эпохе. Это отражается в выражениях: *дух времени, веление времени, герой нашего времени, знамение времени, смутное время*. В таком значении слово время нередко используется в афоризмах и максимах: *Великий человек идет впереди своего времени, умный идет рядом с ним, хищный старается использовать его, глупый становится ему поперек дороги* (Бауэрнфельд); *Хороший историк не принадлежит ни к какому времени, ни к какой стране, хотя он любит свою родину, он ей не льстит* (Фенелон). Нередко, обозначая эпоху, слово время употребляется во множественном числе (эпоха — совокупность отрезков времени), причем в романских языках и латыни чаще, чем в русском: *О времена, о нравы; les temps modernes, новое время*.

Время → погода. Время может быть кадром, как отмечалось, либо для субъекта с его действиями, либо для окружения обстановки. Абсолютной обстановкой в определенный момент времени являются атмосферные условия, погода. В русском языке *время* может окказионально обозначать погоду, а в романских языках это является одним из важнейших значений слова «время»: франц. *temps*, исп. *tiempo*, ит. *tempo*.

Время → возраст. При сужении понятие времени может обозначать время жизни человека, то есть возраст. В таком значении *время* используется в русском языке по отношению к маленьким детям. Аналогичное значение реализуют исп. *tiempo* и англ. *time*.

Время → ритм. Короткий отрезок времени в сочетании с определенным повторяющимся действием лежит в основе значений темп, ритм, такт в разных их ипостасях, таких как движение в фехтовании, ход поршня, икт в метрике и др. К этому значению приближается англ. *time* в смысле «раз» (однократное действие в ряду однородных или повторяющихся действий): *six times* «шесть раз».

Время → скорость. Внешнее время может переходить во внутреннее время, отражая скорость осуществления процесса. Это употребление слова *время* имеет место в спорте: *плавать на время, показать отличное время* (здесь речь идет уже о результате).

Время → предмет. Понятие времени метонимически может пересекаться с предметной областью, так что слово «время» выступает

как обозначение конкретных объектов. Например: англ. *time* «плата за работу», *double time* «двойная оплата за сверхурочную работу». В каждом случае предметное слово характеризуется определенной внутренней формой, оно семантически соотносится с одним из указанных выше употреблений слова «время». Франц. *deux-temps* «двухтактный двигатель» соотносится с употреблением «такт, ритм», русск. *временка* — с оттенком «отрезок времени». С более широким значением слова *время* связано слово *временник*, которое, возможно, представляет собой кальку греческого «хроника».

Время → человек. О связи этих семантических полей свидетельствуют производные слова *временщик* (← «отрезок времени»), *современник* (← «эпоха»).

Время → логические отношения. Временные отношения лежат в основе многих более отвлеченных логических отношений. Во многих языках временные предлоги и союзы приспособляются для передачи логических отношений причины, условия, уступки, противопоставления. Особенно частотен переход *время* → причина, по-видимому вследствие наивного правила *post hoc, ergo propter hoc*. Например: *После этого я не хочу иметь с ним никаких дел.* Здесь *после* значит «из-за». *Когда бы* в придаточных предложениях регулярно выражает условие (=если бы). Франц. *toujours* «всегда» может выражать противопоставление.

Время → оценка, экспрессивность. Время оценивается человеком, тем более, что он может быть заинтересован в протекании внутреннего времени процесса, в его скорости или замедлении. Время получает оценку в связи с действиями субъекта и состоянием окружающей среды. Рассмотрим кратко основные оппозиции в этом аспекте.

1) Долгое/короткое время. Это понятие относительное. В русском языке одно и то же действие с помощью префиксов *по-/про-* может быть представлено как краткое и приятное или как слишком долгое и вызывающее досаду: *посидеть часок* и *просидеть час* (здесь существительное семантически согласуется с глаголом. Франц. *Cela ne dure qu'un temps* обозначает «короткое время», но *prendre son temps, temporiser* значат «не торопиться, медлить». Англ. *to make time* значит «поспешить», тогда как русск. *повременить* — «помедлить». Англ. *He was gone time before you got there* значит «он ушел задолго до того, как вы пришли». Эти примеры показывают, что время получает относительную оценку. «Дорого вовремя время, времени много и мало, долгое время не время, если оно миновало», — гласит надпись на старинных английских часах (в переводе С. Маршака).

2) Приятное/неприятное время. Дела, обстановка могут рассматриваться субъектом как приятные или неприятные, в связи с чем слово «время» может приобретать различную оценку и субъективную окраску. В романских языках «время» обозначает любую погоду. Но в некоторых употреблениях оно обозначает специфическую дурную погоду: исп. *un tiempo* «буря, шторм», франц. *tempête* «непогода». Франц. *passe-temps*, исп. *pasatiempos* (букв. «времяпрепровождение») означает приятное препровождение времени (досуг, развлечения). С другой стороны, отрицательная реакция на что-либо, нежелание делать что-либо могут быть выражены с помощью темпоральных слов: *У меня нет времени возиться с этим* (субъективное нежелание представлено как объективная нехватка времени). Англ. *I have no time for him* (букв. «у меня нет времени для него») значит «я не выношу его».

Понятие времени имеет разветвленные и многообразные связи с широким кругом иных понятий и лексических полей — от логических отношений до отдельных людей и предметов — что объясняется несомненно универсальностью и важностью самого этого понятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. П. Пронштейн, В. Я. Кияшко. Хронология. М., 1981.
2. М. Хайдеггер. Время и бытие. М., 1993.

Ю. П. Князев

НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА

С точки зрения научно-логического понимания, настоящее, строго говоря, остается неуловимым для непосредственного восприятия, являясь подвижной гранью между не существующим более прошедшим и еще не наступившим будущим. Для мифического мышления (как, впрочем, и для современного обыденного) настоящее есть наиболее осязаемая непреложная реальность, отнюдь не обладающая нулевой протяженностью...

И. Г. Франк-Каменецкий [26, 104]

Как известно, временные значения служат для дейктической ориентации обозначаемой ситуации относительно момента речи. Общеизвестно, что из трех «основных» времен — настоящего, прошедшего и будущего, указывающих соответственно на одновременность, предшествование и следование ситуации моменту речи, — наибольшей сложностью характеризуется настоящее время (НВ).

Связано это прежде всего с тем, что, выражаясь словами А. В. Бондарко, у форм НВ «нет дистанции» между временем обозначаемой ситуации и моментом речи как центром временного дейксиса [25, 21].

В силу этого для них ключевое значение приобретают особенности протекания и распределения во времени обозначаемой ими ситуации, т. е. ее аспектуальные (в широком смысле слова) свойства. В зависимости от степени конкретности либо обобщенности ситуации и ее участников, ограниченности либо неограниченности ее какими то пределами, наличия либо отсутствия перерывов в реализации соотношение ситуации с моментом речи принимает различную форму. Ср. примеры из [14]:

- (1) *Катя сейчас плохо себя чувствует;*
- (2) *Катя по вечерам плохо себя чувствует;*
- (3) *Такие больные плохо себя чувствуют по вечерам.*

Кроме того, в отличие от прошедшего и будущего времени, имеющих «естественную границу», в качестве которой выступает

момент речи, определяющий конечную точку прошедшего и начальную точку будущего, НВ подобных ограничений не имеет. Хотя именно формы НВ являются основным способом обозначения происходящего на глазах говорящего, «границы грамматического настоящего могут, так сказать, выходить из поля зрения и даже вообще исчезать» [24, 340]; ср. (1)–(3). Поэтому, вопреки пространенной точке зрения (см., например: [18, 127]), невозможно представить себе существование на временной оси каких-либо «точек», отделяющих «отрезок» НВ от «отрезков» прошедшего и будущего. Примечательно, что А. И. Смирницкий, приводя диаграмму, изображающую значения НВ в виде расходящихся от центра временной оси линий, охватывающих в конечном счете всю временную ось, не находит на ней места для прошедшего и будущего [24, 341].

В литературе, посвященной НВ, можно различить три основных направления.

Во-первых, это концепция «беспризнаковости», неопределенности НВ в отношении времени. Такого подхода придерживались Р. О. Якобсон [28] и А. В. Исаченко [12]. К нему склонялся и В. В. Виноградов, считавший основным грамматическим значением НВ «обозначение действия при всяких вообще условиях, обычно, постоянно, и вследствие этого как бы присущего, свойственного субъекту» [8, 571]. Вместе с тем, говоря о настоящем историческом, он же отмечал, что оно служит для «изображения прошедших фактов как бы совершающимися перед глазами слушателя или читателя» [8, 573]. Таким образом, устранить связь НВ с моментом речи все же не удастся.

Во-вторых, это противоположная точка зрения, в соответствии с которой формы НВ всегда выражают одновременность с моментом речи. Такая интерпретация семантики НВ, которой следует, в частности, Б. Комри [29], предполагает, что любая ситуация, обозначаемая формами НВ, должна переосмысливаться как занимающая непрерывный временной интервал независимо от ее фактического распределения во времени. Такое переосмысление, возможно и имеет место при обозначении умений и предрасположений, однако возможность аналогичной трактовки собственно итеративных конструкций типа *Каждый раз, когда я открываю дверь, я замечаю...* проблематична (см. обсуждение этого вопроса [7, 43–55; 14, 22–24]).

В-третьих, это различие — в той или иной форме — двух разновидностей употреблений НВ: соотносенных и не соотносенных с моментом речи.

Можно предложить еще один путь совмещения дейктического характера форм НВ и их способности обозначать ситуации любой степени обобщенности. Он заключается в привлечении некоторых идей, используемых при описании значений несовершенного вида, которые могут реализоваться в НВ. Имеется в виду точка зрения, согласно которой специфика процессности (актуально-длительного значения) состоит в выражении срединной фазы обозначаемого действия при его частичной реализованности. Так, по мнению А. В. Бондарко, «для содержания процессности характерно прежде всего вычленение фиксируемого периода в осуществлении действия и представление действия (уже начатого, но не завершенного) в динамике его протекания во времени — от прошлого к будущему» [5, 118]. Сходным образом понимал процессность и Э. Кошмидер, писавший, что, называя в ответе на вопрос *Что ты делаешь?* действие, в процессе которого мы находимся в момент речи, мы, тем самым, констатируем, что только что были и в дальнейшем будем им заняты [15, 129]. Этот же прием Кошмидер использовал и для истолкования форм НВ, обозначающих многократные ситуации. Предложение *Там страшная эпидемия, люди умирают сотнями* интерпретируется следующим образом: «Много людей уже умерло, и много, несомненно, еще умрет» [15, 144].

Интересно, что практически идентичные формулировки — но уже именно по отношению к НВ — использовались в античных грамматиках, связанных с Александрийской школой. Как писал Присциан, «настоящим называется, собственно говоря то, часть которого прошла, а часть будет», и, таким образом, оно представляет собой соединение прошедшего и будущего «без всякого разрыва» [1, 129–130]. В качестве примера приводится предложение *Я пишу стихотворение (scribo verbum)*, уместное, по словам Присциана, «пока я еще не дошел до конца, и часть его уже написана, а часть еще должна быть написана» [там же].

Возможность заменить НВ сочетанием прошедшего и будущего по существу означает, что НВ не занимает какой-то самостоятельной области на временной оси, а представляет собой соединение смежных участков прошлого и будущего, длительность которых зависит от особенностей обозначаемой ситуации.

Можно заметить, что этот вывод вполне согласуется с распространенной точкой зрения, в соответствии с которой для НВ «необходимо лишь включение теоретического нуля (пункта 'сейчас' в строгом смысле слова) в период, обозначаемый данной формой» [11, 302]. Если ситуация имеет место в интервале, включающем момент речи, то следовательно она началась до

момента речи (т. е. в прошлом) и будет продолжаться после него (т. е. в будущем).

Кроме того, поскольку момент речи в этом случае фиксирует серединную фазу ситуации, а сама она рассматривается «изнутри», синхронно с ее протеканием, формы НВ не только соотносят ситуацию с моментом речи, но и сообщают ей вполне определенную аспектуальную характеристику. Действие или состояние, обозначаемое с помощью форм НВ, как правило, представлено в середине своего течения или многократного возобновления, а именно так обычно формулируется категориальное «интратерминальное» значение имперфекта [19, 19], который, между прочим, традиционно интерпретируется как «настоящее в прошедшем». В этой связи уместно привести толкование, которое дает имперфекту Г. Гийом: «имперфект предполагает прошедшее действие как бы разделенным на две части — уже совершившееся ранее (без точного указания на момент начала и конца) и совершавшееся в прошлом, тоже без указания на временные ограничения» (цит. по: [23, 98]).

Аспектуальной охарактеризованностью форм НВ можно объяснить их преимущественное использование в описании, а не повествовании и их связь с несовершенным видом. Вместе с тем нужно подчеркнуть, что «интратерминальность» может быть свойственна и глаголам совершенного вида в употреблениях, близких к настоящему актуальному. К ним относят две группы случаев: а) обозначение повторяющейся последовательности событий, как в примере А. М. Пешковского: *Посмотрите, что делает заяц: то вскочит, то ляжет, то перевернется, то подымет уши, то прижмет их* [22, 110] и б) обозначение повторяющихся попыток совершить действие: *Никак не найду книгу; Никак не решу пример*. Общим для них является обозначение ситуации в середине своего многократного возобновления.

Таким образом, речь может идти не только о парадигматических формах НВ, которые в русском языке есть только у глаголов несовершенного вида, но и о том, что можно было бы назвать «глубинным НВ», — по аналогии с использовавшимися Ю. С. Масловым понятиями «глубинного аориста» и «глубинного имперфекта», «поверхностные» реализации которых могут быть различными в зависимости от конкретной системы видов-временных форм соответствующего языка [19, 191].

Предлагаемое понимание специфики НВ позволяет, основываясь именно на свойствах НВ, дать естественное объяснение относительной необычности «моментального» настоящего: репортажного НВ (*Он отбирает мяч и забивает гол*) и перформативного НВ

(*Обещаю помочь тебе во всем*). Причину этого можно видеть в том, что характер реализации обозначаемых событий противоречит «интратерминальности» НВ, хотя именно такие употребления НВ наилучшим образом согласуются с идеей одновременности с моментом речи. Таким образом, значение НВ в этих употреблениях не совсем обычное (ср. другую точку зрения: [21]).

Впрочем, по-видимому, есть основания говорить о некотором аналоге «интратерминальности» и по отношению к моментальному НВ. Об этом свидетельствует предлагаемая Ю. Д. Апресяном [2] семантическая экспликация моментальных глаголов (составляющих при их употреблении в несовершенном виде основу репортажного НВ) и перформативов. По его мнению, их видо-временное значение является «процессуально-точечным»: скачкообразному (моментальному) достижению результата предшествует процессуальная «подготовительная фаза». Для перформативов это произнесение перформативного высказывания, а для моментальных глаголов — осуществление действий, делающих возможным возникновение результирующего положения вещей, хотя и не сопровождающихся постепенным накоплением результата: поиски для моментального глагола «находить», перемещение для «приходить» и т. п. Соответственно, высказывание *Смотри, Брумель прыгает* возможно и в ситуации, когда прыгун еще только готовится к прыжку, но говорящий уверен в направлении дальнейшего развития событий. Подготовительная фаза растянута во времени, что и делает возможным «псевдопроцессуальное» употребление форм НВ, соотнесенных с ее серединой частью.

Представляется, что понятие подготовительной фазы действия может быть распространено и на другие разновидности употреблений глаголов в форме НВ, в частности, оно вполне приложимо к НВ «намеченного действия» в высказываниях типа *Завтра я уезжаю*, а также и на другие семантические классы глаголов. В качестве иллюстрации можно указать на приводимые Т. В. Булыгиной примеры высказываний, в которых интерпретация видо-временного значения зависит от формы числа субъекта [6, 353]:

- (4) *Мои ученики поступают в институт без протекции;*
- (5) *Мой ученик поступает в институт без протекции.*

В примере (4) форма НВ выделяет серединную часть многократно возобновляемой ситуации (поступали до сих пор и будут поступать без протекции), а в примере (5) она относится к фазе, предшествующей поступлению, начиная с момента изъявления желания поступить в институт.

Формы НВ могут относиться не только к подготовительной фазе действия, но и к его результирующей фазе. Таковы употребления форм НВ типа *Тебе приказывают срочно вернуться; Нас приглашают погостить в деревне* (см. о них: [7, 16]). Эти высказывания употребляются в двусторонне ограниченном временном интервале: после того, как имел место речевой акт приказа или приглашения, но до того, как его адресат выполнил приказ или воспользовался приглашением. Если человек уже пришел в гости, он не может сказать: *Меня приглашают в гости* [13, 21].

Таким образом, говоря о серединной части действия, нужно различать четыре ситуации: а) действие или состояние в середине своего течения или б) многократного возобновления, в) в его подготовительной фазе или г) в его результирующей фазе. Последние три из них предполагают определенный семантический сдвиг в видо-временных значениях форм НВ.

Прагматические аспекты функционирования форм НВ связываются обычно с их актуализирующим воздействием: ситуация, обозначаемая формами НВ так или иначе находится в поле зрения говорящего (см., например: [27]). Представление об НВ как о формах, обозначающих серединную фазу ситуации, охватывающую прошлое и будущее без четких временных ограничений, отражает другие семантические обертоны НВ: отсутствие временных границ, незавершенность и обобщенность.

В этом отношении примечательна характеристика НВ, принадлежащая М. М. Бахтину: «Настоящее — нечто преходящее, это текучесть, какое-то вечное продолжение без начала и конца. <...> Настоящее в его, так сказать, 'целом' (хотя оно именно и не есть целое) принципиально и существенно не завершено: оно всем своим существом требует продолжения. <...> Поэтому когда настоящее становится центром человеческой ориентации во времени и в мире, — время и мир утрачивают свою завершенность как в целом, так и в каждой их части» [3, 463, 472].

Что же касается обобщающих высказываний с формами НВ, то среди них можно выделить две основные группы, различающиеся оценкой сообщаемого.

Одну из них составляют формы НВ, использующиеся для подчеркивания общезначимости идей, мнений, точек зрения вне зависимости от времени их появления — НВ «экспозиционное» [9]. По словам М. Мамардашвили, в этом случае «мы получаем не хронологическую последовательность, а некую вертикаль или веер, створки которого располагаются не линейно, а сосуществуют. Это как бы не ускользающая, а скользящая точка одновременности.

Какое-то вертикальное или веерное сечение, позволяющее нам сосуществовать с Платоном, Декартом, Буддой и т. д.» [17, 62].

К другой группе относятся НВ «эмоциональной актуализации» и НВ «интерпретационное», представляющие факт прошлого как неслучайный, типичный, что обычно сопровождается его отрицательной оценкой (см. о них: [4; 9]). Интересный пример такого рода употребления приводит в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевский, описывая ход уголовного процесса против офицера, избившего свою малолетнюю падчерицу за то, что она залезла в сундук, где лежали деньги, адвокат Спасович, стремясь преувеличить вину девочки, прибегает, в частности, к деконкретизирующим способам обозначения ее поступка. Он использует, во-первых, глаголы несовершенного вида в общефактическом значении: *Она воровала, она крада*, навязывающие представление о неединичности соответствующих действий, и, во-вторых, формы НВ: *Отец узнал, что она ворует*, выражающие, помимо этого, еще и его уверенность в том, что она будет так поступать и в дальнейшем [10, 68–70].

В заключение, возвращаясь к эпиграфу, можно сказать, что момент речи как грань между прошлым и будущим действительно можно считать точкой (аргументы в пользу этого см.: [20]). Формы же НВ, обозначая серединную часть ситуации, предполагают ту или иную ее протяженность во времени, фактическую либо навязываемую самим ее обозначением с помощью НВ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936.
2. Ю. Д. Апресян. Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // Русистика сегодня. М., 1988.
3. М. М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
4. А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола. М., 1971.
5. А. В. Бондарко. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
6. Т. В. Булыгина. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
7. Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
8. В. В. Виноградов. Русский язык. М.; Л., 1947.

9. М. Я. Гловинская. Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М., 1989.
10. Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинение. М., 1976, т. 22.
11. О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958.
12. А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава, 1960, т. 2.
13. Ю. П. Князев. Речевые действия: их следствия и особенности обозначения // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994.
14. Н. А. Козинцева. Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями. Л., 1991.
15. Э. Кошмидер. Очерк науки о видах польского глагола: Опыт синтеза // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
16. Г. И. Кустова, Е. В. Падучева. Перформативные глаголы в неперформативных употреблениях // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994.
17. М. Мамардашвили. Как я понимаю философию. М., 1992.
18. В. М. Мартынов. Категории языка. М., 1982.
19. Ю. С. Маслов. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
20. Е. В. Падучева. К сочетаемости обстоятельства времени с видом и временем глагола: точка отсчета // НТИ. Сер. 2, 1992, № 3.
21. Е. В. Падучева. Вид и время перформативного глагола // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994.
22. А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
23. Е. А. Реферовская. Аспектуальные значения французского глагола // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л., 1984.
24. А. И. Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959.
25. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
26. И. Г. Франк-Каменецкий. Первобытное мышление в свете яфетической теории и философии // Язык и литература, 1929, т. 3.
27. Человеческий фактор в языке: Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992.
28. Р. О. Якобсон. О структуре русского глагола // Р. О. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.
29. В. Comrie. Tense. Cambridge; London, 1985.

Г. Е. Крейдлин

ВРЕМЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВРЕМЕННЫХ ПРЕДЛОГОВ

1. Время и наивная картина мира

События внешнего мира, наши субъективные чувства, мыслительная деятельность — все протекает во времени. Время, как отмечал еще о. Сергей Булгаков, не есть пустая форма, в которой размещаются разные предметы без связи и порядка, и не есть только форма восприятия. Время обретает смысл в человеке: «Человек является подлинной мерой времени, он — единственный преобразователь и творец того времени, которое дано ему Богом». Жизненный опыт, психическая деятельность, все наиболее сильные впечатления и эмоциональные переживания человека связаны с переживаниями времени. Складываясь в упорядоченные структуры и образы, они формируют и организуют сознание, создают то, что мы называем наивной картиной мира. Время в наивной картине мира представлено прежде всего как психологическое и субъективное, как оставляющее вместе с погруженными в него событиями след в человеческой или культурной памяти. Для нас гораздо важнее ощущение времени и собственное внутреннее отношение к нему, чем осознание времени как физической ньютоновской длительности, для нас более существенны наполненность времени событиями и качество времени, чем его естественный ход. Для человека время не течет равномерно и отмеренно — оно замедляет свой бег или вообще останавливается, когда ждешь, оно всегда убыстряется, когда куда-то спешить. Приходится принимать время таким, каким оно дано каждому из нас, — с его нехватками, длиннотами, с его относительностью и ненадежностью.

Язык фиксирует бытовой, исторический, мифологический и даже генеалогический счет времени (ср. *при Наполеоне, до Рождества Христова, во времена моей бабушки*), он умеет различать священное время и мирское, см.: [5]. Люди вмешиваются даже в объективное физическое время, например, переводят часы, вводя категории зимнего и летнего времени; переводом стрелок пытаются регулировать ритм жизни. Но человеческое время, как писал Бел. Хлебников, «исчисляется не часами, а ударами сердца».

Представление о времени приобретает свое специфическое преобразование не только в естественном языке в целом, но и на отдель-

ных его участках — категориях, единицах и отношениях. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования в области языковой реконструкции способов восприятия и организации времени. Об этом говорят и сами языковые факты, прежде всего комплексы выражаемых значений, фиксирующие концептуализацию времени в данном языке.

2. Русские временные предлоги и их семантическая организация

Едва ли мы можем серьезно рассчитывать на то, что хорошо поймем, как устроено русское языковое время, и построим цельный и непротиворечивый языковой образ времени — путем реконструкции зафиксированных в национально-языковых формах и категориях временных стереотипов, а также отношения ко времени человека, — если тщательно не проанализируем такой языковой материал, как русские временные предлоги и предложно-падежные формы.

Эти единицы, безусловно, составляют ядро русской темпоральной лексики и издавна привлекают к себе внимание лингвистов. Однако, несмотря на многолетние наблюдения над поведением этих слов и сделанные в этой области важные лингвистические открытия, отдельные семантические признаки, свойства и противопоставления в системе временных предлогов остались, как нам кажется, еще не отмеченными или не до конца уясненными. Фиксация таких противопоставлений открывает дорогу к правильному толкованию соответствующих слов и к установлению целого ряда особенностей их синтаксической сочетаемости.

Квазисинонимичные временные предлоги русского языка, которые рассматриваются в настоящей работе, анализируются в максимально сходных синтаксических контекстах. Это позволяет установить релевантность целого ряда смысловых дихотомий и в явном виде представить условия нейтрализации в тексте семантических различий между словами.

Для временных предлогов существует давняя и устоявшаяся традиция семантического описания и последующей семантической группировки на основе пространственных, то есть чисто геометрических, понятий и отношений между ними (см. об этом подробнее: [5]). Одни предлоги выражают идею предшествования («не-что, имеющее место на отрезке (на прямой, на интервале и т. д.), предшествует некоторой точке, которую принято называть точкой отсчета на том же или другом отрезке, на данной прямой и пр.»).

Другие предлоги связаны идеей следования одного какого-то события, состояния; календарного, суточного и др. времени) за некоторым другим, локализация которого на шкале времени совпадает с точкой отсчета. Третьи сопряжены с идеей включенности одного времени в другое; эта идея представлена на временной шкале как то, что один отрезок (интервал и др.) является частью другого. Четвертые заставляют воспринимать время как движение, а временное пространство не как промежуток времени, а как измерение протяженности во времени некоторых событий или отношений. Они говорят не просто о возможной временной локализации, а о протекании события во времени или изменении во времени его параметров. Эти предлоги ставят в фокус внимания не только или, может быть, не столько сам факт покрытия временного промежутка действием, деятельностью, процессом или каким-то иным более частным видом события, сколько постепенное заполнение его развивающимся действием, деятельностью, процессом и т. п. Иными словами, они акцентируют «растягивание» события по времени. Пятые демонстрируют не привычное нам «научное» горизонтальное течение времени, а его возможное «наивно-языковое» движение в вертикальной плоскости. Именно так отражена в русском языке, например, сложная идея возраста, для выражения которой широко используются глаголы (*под*)расти, вытянуться и под., существительные *потолок*, *зенит*, *вершина* и др., наречия *свыше* и *сверх*, сочетания типа *с высоты <своих лет>*, а также предлоги *с*, *под*, *за* и *около*. Возраст «любит» круглые даты: мы говорим *Ей еще под 40*; *Ему уже за 70*. Возраст, разумеется, самым тесным образом связан с физиологическим и анатомическим строением живого организма, с идеями вертикальности и роста, ср. хотя бы омонимичное предложение *Когда ваш ребенок подрастет, тогда и приводите его к нам в секцию*. Вертикальная модель времени может даже оказаться в естественном языке доминирующей; так, по наблюдениям Т. А. Михайловой подобная модель характерна для ирландского языкового сознания [4]. При языковом выражении человеческого возраста, подчеркивая движение времени жизни, мы нередко передаем идею горизонтальных возрастных рубежей — рубежей, имеющих пороги, к которым мы, к сожалению, то и дело подходим, а затем их переходим, переступаем или перешагиваем, а также многие другие идеи и концепты, на которых здесь нет возможности подробно останавливаться. Наконец, в русском языке есть предложно-падежные формы, которые могут служить средством выражения природного, социального или культурного «кругового», то есть обратимого, времени

(см. анализ некоторых из таких форм в работе [6]). Они подчеркивают возможность смены времени и как бы возврата его в геометрически ту же точку, но уже качественно новую, а потому часто интерпретируемую языком как другую. Для циклического времени пространственная интерпретация в виде геометрического образа круга, таким образом, мало что проясняет в его семантике.

Имеются подклассы русских временных предлогов и совсем иного семантического типа. Соответствующие лексемы обозначают не соотношение событий и не характер движения событий во времени, а различные устройства или способы внутренней организации временных шкал: представлена шкала как луч, отрезок или интервал, как простой интервал или как интервал с выделенной на нем точкой, как простой интервал или как объединение интервала и точки на шкале, где выделены какие-то значимые для человека точки-события. Есть предложные лексемы, указывающие, является ли обозначаемое время соположенным или параллельным какому-то другому времени, представленному в том же высказывании, то есть пересекаются ли соответствующие промежутки на шкале или нет; ср.: *Во время выступления президента я был в консерватории* и **При выступлении президента я был в консерватории*. Имеются в русском языке и предлоги, говорящие о том, участвует ли в событии, вводимом в предложение, субъект основного действия или состояния; ср.: *Во время обеда жена находилась на кухне* и **За обедом жена находилась на кухне*.

Существует также весьма своеобразное распределение временных предлогов по денотативным областям. Так, далеко не все предлоги или их отдельные значения способны сочетаться со свойствами и характеристиками людей, вводить события, проецирующие чувства и оценки человека на время. Например, количественно-временное *на*, выступающее в предложениях типа *Хлеба у нас — на год*, *Молока у нас было только на пять дней* или *Работы здесь — на месяц*, не допускает именно субъективно-качественной оценки временного промежутка. Можно сказать *Картошки у меня — на целый год хватит*, но нельзя (в том же значении предлога!) **на чудесный, на жуткий год*. Русский язык лишь посредством ограниченного числа предлогов умеет выделять неординарные календарные события — праздники, выходные, особые даты. Он по-разному реагирует, с одной стороны, на заурядные, мало чем примечательные и, возможно, постоянно или периодически повторяющиеся «человеческие будни» (Д. Самойлов), а с другой стороны, на события, экстраординарные в жизни человека (см. об этом ниже).

Очень немногие временные предлоги, как мы уже говорили выше, способны участвовать в передаче различных идей, имеющих отношение к возрасту человека или другого живого организма.

3. Временные предлоги предшествования

Остановимся теперь непосредственно на одной группе русских временных предлогов — предлогах предшествования, а точнее, на некоторых связанных с ними смысловых противопоставлениях. Речь пойдет о лексических единицах, которые соотносятся с идеей предшествования и с геометрическим представлением времени в виде полуинтервала, ограниченного конечной точкой. Здесь оказываются важными сразу две вещи, на вторую из которых до сих пор мало или недостаточно обращалось внимания — даже в таком пронизательном и детальном семантическом анализе наречий и предлогов из синонимического ряда «Раньше», который был сравнительно недавно выполнен И. Б. Левонтиной [3] и к которому мы еще не раз будем возвращаться. Первое — это то, как концептуализуется в сознании носителя языка сам временной промежуток, а второе, на чем мы хотим остановиться более подробно, — это то, как представлена в сознании говорящего точка отсчета, или, иначе, временной ориентир.

Сначала несколько общих замечаний. События, разворачивающиеся на горизонтальной временной оси, для предлогов, входящих в ряд «Раньше», рассматриваются все как предшествующие — либо какому-то другому событию, либо некоторому фиксированному моменту времени, образом которого служит данная точка. Предлоги предшествования отображают события, которые в своем движении ориентированы в будущее, представленное точкой отсчета, а, возможно, и некоторыми другими выделенными точками или участками временной шкалы. Сами же события безотносительно к выделенному ориентиру могут быть охарактеризованы либо как непрерывно заполняющие временной промежуток — полуинтервал, либо как имеющие место в соотносимый с ориентиром момент времени.

Выражение смысла временного предшествования свойственно прежде всего предлогам *к, до, перед, под*, а также предлогу *по*, который, по всей видимости, чисто случайно не попал в состав синонимического ряда, о котором шла речь выше. Нам хотелось бы обратить внимание на некоторые индивидуальные особенности этих слов, связанные, главным образом, с семантической интерпретацией точки отсчета и дополнить ранее представленные на-

блюдения, а в заключение указать ряд смысловых признаков и сочетаемостных особенностей временного предлога *по*.

4. Предлог *к*

Начнем с предлога *к*. Прежде всего, на наш взгляд, существуют по меньшей мере два, а не один, как отмечено во всех известных нам словарях и семантических описаниях, временных предлога *к*. Не настаивая на таком лексикографическом порядке подачи значений, скажем, что первое значение — К 1 — акцентирует внимание именно на точке отсчета, представляя ее как время-срок, то есть как время, обусловленное естественным окончанием деятельности человека и достигнутым результатом, или как заранее «назначенное время». Время-срок в максимальной степени связано с человеком и его деятельностью. Это делает естественным и понятным часто возникающий у предлога целевой оттенок значения, который сопутствует временному. Отсюда вытекает и отмеченный И. Б. Левонтиной, но оставшийся необъясненным типичный для К 1 круг употреблений, связанный с совершаемой целенаправленной деятельностью, причем, добавим мы, не просто целенаправленной деятельностью, а именно той, итог которой важен для говорящего как в момент времени, локализованный в точке отсчета, так и какое-то время после него. Ср.:

- (1) *Мы вернулись в город к пяти часам, чтобы успеть на первый автобус* (М. Лентулова);
- (2) *Гости пришли только к обеду* (В. Токарева);
- (3) *Здесь сиги приобретают в кредит с обязательством уплатить к рождеству* (В. Янин);
- (4) *Он прибежал к самому отходу поезда.*

Сроком может быть часовое, суточное или календарное время, к которому завершается определенное событие, но срок может также совпадать и со временем начала некоего нового события, см. предложения (4) и (5) *Она сделает это к экзамену*. Срок — это точка на шкале-полуинтервале, которая указывает на время, совпадающее геометрически с концом этого полуинтервала; это точка, интерпретируемая как время наступления событий, связанных с волей и желаниями человека, событий, к которым человек движется. Поэтому-то предлог К 1 и употребляется часто в модальных контекстах, что констатируется в целом ряде работ (см., например: [1; 3]), то есть встречается там, где речь идет о выражении намерений, долженствовании, возможности завершить некое действие в момент отсчета (с импликатурой «не позже»).

Этим же можно объяснить и неправильность, например, таких предложений, как (6) **Я могу вернуться в любое время к пяти часам*. Человек, говорящий, что вернется к пяти, выделяет на временном полуинтервале момент времени «пять часов» именно как момент возвращения, как особую конечную точку промежутка, что, в свою очередь, несовместимо с обещанием «прибыть в любое время», то есть с возможностью находиться в момент возвращения в другой произвольно взятой точке того же промежутка. Получается, что человек в один и тот же момент возвращения обещает как бы быть сразу в двух местах пространства — двух точках на шкале времени.

Совсем иначе концептуально представлено время другим значением предлога *к* — К 2. Лексема К 2 указывает на время, обусловленное природными изменениями в течение жизни человека, изменениями, не зависящими от его желаний, возможностей, целей или устремлений. Такое время предстает либо как связанное с процессами, происходящими внутри человека — возрастными, физиологическими и др., либо как время, соотносимое с меняющимися внешними событиями — метеорологическими, астрономическими, историческими и др. В подобные события человек обычно вовлечен не по своей воле, и время их наступлений ему в нормальном случае не подвластно: он не может, например, это время устанавливать по собственному желанию, оно им не контролируется. Поэтому лексема К 2 не связана непосредственно с актуальной деятельностью человека и свободно употребляется в контекстах, где вообще нет речи о какой-либо деятельности:

- (7) *К утру ветер стих;*
 (8) *Часам к двум потеплело, и мы решили двинуться дальше*
 (И. Ганзелка, М. Зигмунд);
 (9) *К рассвету разразилась гроза* (Л. Леонов);
 (10) *К концу лета на посадки напали тушканчики* (К. Паустовский);
 (11) *К началу июня кампус уже жил протестами против наборов в армию и сидячей забастовкой перед офисом известного производителя напалма, который набирал рабсилу* (С. Кинг);
 (12) *К школе (= к тому времени, как пришла пора идти в школу) Витя подошел, умея не только читать и считать...*
 (М. Петров);
 (13) *Мартышка к старости слаба глазами стала* (И. Крылов).

Время события Р, вводимого предлогом *к*, в таких предложениях всегда представлено как приблизительное; см. об этом также: [3]. Действительно, ситуация, о которой идет речь, окончательно изме-

нилась незадолго до момента, каковым является точка отсчета — время события Р, и в тот момент уже была определенно другой. Время события Р здесь является, таким образом, ориентиром совсем иного типа: ему плохо отвечает геометрический образ времени в виде точки, принадлежащей непосредственно временной шкале, то есть точки на шкале, — ведь смена ситуации уже завершилась до начала Р, то есть закончилась в некоторый, пусть и небольшой по длительности, момент до указанного времени Р.

Проведенными смысловыми различиями легко объяснить и очевидно разные роли предлогов К 1 и К 2 в актуальном членении предложения; если К 1 в норме (без дополнительных акцентно-смысловых выделений) синтаксически присоединяется к реме предложения, а в более сложных случаях — к реме составляющей второго уровня членения, то К 2 вводит тему предложения или составляющую темы, ср. примеры (1)–(4) и (6)–(12).

Общим для лексем К 1 и К 2 является то, что они предполагают движение или развитие событий во времени и накопление результата.

5. Предлог *до*

Предлог *до* тоже выражает идею предшествования: *до* Р означает «в промежуток времени, предшествующий Р». Но в отличие от предлога *к*, для *до* безразлично, как представлено событие, предшествующее Р, — как меняющееся или статичное. Ср. (14) *Мы поднимались наверх до наступления темноты* и (15) *Он просидел у нас до часу ночи*. Не существенно и то, в какой языковой форме выражено в тексте само Р, — как обозначение календарного или суточного времени или, метонимически, — как имя нарицательное (ср. *до школы*) или собственное (*до Фellini*), как название температурных или погодных явлений (*до холодов, до засухи*) или как имя ситуации (*до прихода родителей*). Предлог *до* заставляет интерпретировать точку отсчета иначе, чем *к*, а именно либо как «начало» Р (если Р — имя процесса, а не, например, моментального события, ср.: *до игры, работы, выступления, войны*), либо как некий фиксированный «предел», не позже которого совершается событие, предшествующее Р. Эта семантическая особенность предлога как раз и объясняет появление конструкций типа *за час до отлета*, где группа *за час* реализует вторую валентность временного *до*, синтаксически подчиняющего событийное имя; ср. невозможность аналогичных конструкций с предлогом *к*, не имеющим второй валентности: *за

час к обеду, *за семь минут к атаке. Пространственный образ времени Т в конструкции *за Т до Р* — это отрезок с того момента, когда имела место или завершилась ситуация, о которой идет речь в предложении, до момента наступления Р. Отсюда вполне нормальные фразы типа (16) *Я могу вернуться в любое время до пяти часов* — говорящий просто сообщает о своем возможном возвращении или о своей готовности вернуться в любой момент времени, меньший, чем пять часов. Если предложение (17) *Он собирался прийти к пяти, а пришел в четыре* правильное, то предложение (18) **Он собирался прийти до пяти, а пришел в четыре* аномальное, и неправильность эта очевидным образом вытекает из того, что союз *а*, имеющий здесь значение противопоставления, должен выражать идею несоответствия намерения реально осуществленному действию, несоответствия, которого на самом деле в предложении нет. В примере (17) противоречие намерения действию налицо, и союз употреблен корректно.

6. Предлог *перед*

Обратимся теперь к предлогу *перед*. Он, так же, как и предлог *к*, имеет два временных значения. В контекстах типа (19) *Осень бывает перед зимой* или (20) *Июль идет перед августом* предлог выражает простую идею упорядоченности сезонов, часов, светлых и темных часов суток и под., не зависящей от человека, и смена которых происходит без какого-либо его участия или вмешательства. В таких употреблениях, впрочем, речь идет не о времени и не о событиях, совершаемых в какое-то время, а скорее о положении двух соседних точек друг относительно друга в фиксированной последовательности, и потому мы по сути здесь имеем дело с невременным или, если угодно, с «ненастоящим» временным значением предлога *перед*.

Гораздо более интересным является второе, подлинно временное, значение предлога. Как отмечается в работе [3] (а речь идет именно об этом значении), слово *перед* обычно «связывается с представлением о точке отсчета как о достаточно компактном событии или моменте». Думается, однако, что такая интерпретация возникает далеко не во всех случаях употребления предлога. Верно тут, на наш взгляд, нечто другое, а именно, время здесь представляется как время прихода важного события или как некоторым образом выделенная часть суток или дата в жизни субъекта или говорящего, непосредственно следующие за каким-то другим событием или моментом, обозначенным в тексте, и при этом имею-

щие начало и конец. Поэтому, хотя, по мнению И. Б. Левонтиной, «плохо (?) (? — знак наш. — Г. К.) *перед утром (вечером, неделей и т. п.)», это во всяком случае никак не может быть по причине их «компактности». Вполне возможны сочетания: *перед утром казни, перед выпускным вечером, перед вечером встречи, перед выходным днем, экзаменами, отпуском, круизом, многодневным путешествием, перед летними каникулами, перед сном, перед трудовой неделей, перед бурей, перед увольнением* (едва ли, например, *буря, многодневное путешествие* или *увольнение* ощущаются как компактные события) и даже (21) *Перед утром над мокрыми перелесками выползла рыжая луна* (К. Паустовский); (22) *Перед вечером «Смелый» шел уже по Белому озеру* (К. Паустовский) — последние два примера взяты нами из [1].

Именно значимостью времени *Р* для человека можно объяснить тот факт, что сочетания *перед Днем победы, перед Рождеством, перед Первым сентября, перед праздниками, отпуском* или *каникулами* звучат гораздо естественнее, чем взятые вне контекста *?перед третьим сентября, ?перед двадцать седьмым июля* или *??перед буднями*. Именно по этой причине именная группа *Р* в предложно-падежной форме *перед 2 Р* тяготеет к определенности и к конкретно-референтному статусу. Слово *перед* к тому же крайне плохо сочетается с абсолютно «компактными» точечными обозначениями никак не выделенного часового времени; ср. **перед часом ночи, *перед двадцатью тремя минутами одиннадцатого, *перед четвертью шестого*.

7. Предлог *под*

Перейдем теперь к предлогу *под*. Помимо смысла непосредственного предшествования, этот предлог передает также идею того, что некоторая ситуация разворачивается на временном промежутке, длительность которого соизмерима со временем, сопряженным с точкой отсчета. Однако и здесь время-ориентир *Р* в сочетании *под Р* может предстать в одном из двух видов — как выделенное календарное или суточное время, либо как значимый момент в жизни человека. Ср. (23) *Под утро, когда устанут // Влюбленность, и грусть, и зависть...* (А. Галич); (24) *Дело было под вечер*; (25) *Заболела я как раз под Новый год*; (26) *Созвонимся под выходные*. Ср. также нормальную языковую форму *под праздники* и аномальную *под будни.

Сочетаемость слова *под* с именами существительными весьма прихотлива. В текстах встречается выражение *под осень*, можно

сказать (впрочем, некоторые считают, что чуть-чуть напряженно) *под зиму*, но заведомо нехорошо *под весну и *под лето. Допустимы предложно-падежные формы *под выходные*, *под воскресенье*, но уже хуже ?*под субботу* — см., впрочем, (27) *В ночь под субботу бабы собрались на посиделки* (М. Шолохов) и совсем неудачные сочетания *под четверг или *под среду (разумеется, все это из-за выделенности воскресения и, возможно, субботы на фоне остальных дней недели, то есть ограничение здесь семантически мотивированно). При абсолютно нормальных выражениях *под утро*, *под вечер*, несколько хуже звучит ?*под ночь* и совсем плохо *под день (во всех значениях этого слова). Не вызывают возражений сочетания *под конец квартала* или *года*, но явно неприемлемы *под начало или **под середину квартала*. Плохо соединяется предлог и с названиями событий, метонимически обозначающими время: ср. *под его отъезд, *под обед, *под экзамены.

Многие образования со словом *под*, как, впрочем, и с целым рядом других слов (ср.: *с вечера*, *до утра* и т. п.), имеют явно выраженный наречный характер. По всей видимости, они находятся сейчас на пути перехода в разряд наречий или даже уже перешли в этот разряд: ср. такие сочетания, как, например, *с вечера* (в одном из значений), например, (28) *Мы еще с вечера (вечером) договорились идти сегодня на футбол* (намечаемая деятельность предполагается на следующий день; точка отсчета — «сегодня») или *под утро*. Ср. также правильные *под утро*, *под вечер* и аномальные *под зимнее утро, *под этот вечер — здесь допустимо лишь подчеркнутое указание близости моментов времени: — *под самое утро*, *под самый вечер*, *под самую Пасху*.

Следует подчеркнуть, что предлог *под*, так же, как и *к*, обычно имплицитно идею движению, изменения во времени. Так, во фразе (29) *Под вечер (к вечеру) он был желт, как померанец* состояние лица-субъекта представлено как результат некоторого процесса, то есть глагольная форма в этом примере — чистый результатив.

8. Предлог *по*

Предлог *по* в значении, близком к рассмотренному ранее значению предлога *до*, как правило, выступает вместе с предлогом *с*, то есть встречается в конструкции вида *с Т по Р*. Он указывает на временной предел, точнее, на время, когда заканчивается событие, начавшееся в момент Т., ср.: *с января по май*, *с первого по седьмое июля*, *с 1989 года по настоящее время*. Плохо, однако, *с утра по вечер, **с восьми часов утра по шесть часов вечера*

(или: *с семи по восемнадцать), *с двух по пять лет, *с детского сада по школу. Сочетаемость предлога *по*, как мы видим, тоже весьма ограниченная.

В тех случаях, когда начальная точка в предложении не указана, она обычно всегда домысливается. В предложении *Меня не будет по пятое июня* подразумевается, что не будет «с момента отъезда».

Предлог *по* во временном значении, в отличие от предлогов *с* или *до*, может вводить ориентир вместе с последующим небольшим временным интервалом. Предложение *Меня не будет в Москве с августа по ноябрь* означает, что говорящий, скорее всего, будет отсутствовать в городе с первого августа, но не ясно, до первого или до конца ноября. Можно уточнить, сказав *Меня не будет с первого до пятого включительно*, но хуже? *Меня не будет с первого по пятое включительно*, **Она не приезжала с января до марта включительно* или **Зарплату будут выдавать с первого включительно до четвертого*. Указывая на временной интервал, предлог *по* оставляет возможность отдельного указания конечной точки этого интервала с помощью слова *включительно*. Интересно, что для этого *включительно* отсутствует «парное» *исключительно*.

У предлога *по* есть и некоторые другие осложненные временные значения (см. о них также в работе [2], но в несколько иной интерпретации). Речь идет о контекстах типа *Цыплят по осени считают* или *По нынешним временам это совсем недорого* ('когда наступает/наступило время Р'); *По прилете в Париж он нам позвонил* ('сразу после времени Р'); *По понедельникам она не работает* или *По ночам у них всегда горит свет* ('регулярно во время Р') — в последних двух примерах предложно-падежная форма близка к наречной; *Он по месяцам сидит на своем полигоне* ('некто имеет место во время Р; это время, по мнению говорящего, большое'). Во всех приведенных выше примерах время-ориентир не только представлено по-разному, но и иначе, чем в предложениях, рассмотренных раньше.

Предлог *по* может вводить в предложение и другие временные лексемы, ср.: *Он занимается языком по два часа в день*. Однако наличие в предложении именной группы, состоящей из предлога *по* и существительного, обозначающего время, отнюдь не означает еще, что предлог сам имеет временное значение (вспомним отмеченную выше аналогичную ситуацию с предлогом *перед* 1). На наш взгляд, в приведенном примере значение предлога *по* в точности такое же, как во фразах: *Она дала нам только по кило-*

грамму яблок на руки или Мы оперируем не менее, чем по десять больных в сутки. Время может распределяться по событиям или по их фазам точно так же, как распределяются по людям яблоки или по хирургам несчастные больные.

ЛИТЕРАТУРА

1. М. В. Всеволодова. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М., 1975.
2. Л. Л. Иомдин. Словарная статья предлога ПО // Семиотика и информатика. М., 1991, вып. 32.
3. И. Б. Левонтина. Синонимический ряд «Раньше». М., 1995 (рукопись).
4. Т. А. Михайлова. Нечто о пространственной модели времени (на материале ирландского языка) // Семиотика и информатика. М., 1994, вып. 34.
5. М. Элиаде. Священное и мирское. М., 1994.
6. Е. О. Яковлева. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

М. А. Кронгауз

ГЛАГОЛЬНАЯ ПРИСТАВКА, ИЛИ КООРДИНАТА ВРЕМЕНИ

Время и вид

Идея времени заключена во многих грамматических и неграмматических морфемах. Так, в русском языке она присутствует в таких грамматических глагольных категориях, как время и вид. Обе эти категории вводят глагольное действие (в широком смысле этого слова, т. е. действие, процесс, состояние и т. д.) в своего рода систему временных координат или по крайней мере задают определенную точку отсчета. Но если значения категории времени ориентируют действие относительно некоторой внешней точки отсчета, прежде всего относительно момента речи, независимого от действия и в общем случае не связанного с ним, то значения категории вида являются как бы «внутренней» системой координат.

Ю. С. Маслов утверждал, что «в отличие от категории глагольного времени, вид связан не с дейктической темпоральной (временной) локализацией времени, а с его внутренней „темпоральной структурой“» [5, 83], — и это семантическое противопоставление языковых категорий удивительным образом совпадает с двойственностью логического взгляда на время вообще, сформулированного, в частности, Г. фон Вригтом. Он выделил «две точки зрения, с которых логик изучает время» [1, 518]: первая сосредоточивает интерес на порядке темпоральных событий, вторая — на природе временной субстанции.

Если использовать метафору «внутренней системы координат», то следует понимать, что в большей степени это касается совершенного вида, структурирующего временную субстанцию действия и выделяющего либо некий внутренний и ключевой для протекания действия момент, либо различного рода ограничения протекания действия.

Для русского языка (и других славянских языков) существенно, что семантической процедуре структурирования времени соответствуют формальные словообразовательные процедуры, среди которых основной, хотя бы в чисто количественном отношении, является перфективация. С. Карцевский писал: «Игра видовых форм представляет собой лишь частный случай более широкой и более сложной игры форм, какой является глагольное словообразование

1524

в целом» ([8], цитируется по: [2, 220]). Перфективация занимает особое место еще и потому, что даже и во вторичных имперфективах (если они возможны) присутствует изначальная идея приставки, т. е. временная субстанция действия структурирована. Несовершенный вид во вторичных имперфективах не перечеркивает темпоральную структуру действия, а лишь привносит некую дополнительную идею (например, осмысление действия как «кванта» дополняется идеей «многократности» этого кванта и т. д.). Именно поэтому вторичные имперфективы не совпадают по значению с соответствующими бесприставочными глаголами. Для одной из эталонных «видовых» троек *жечь* — *сжечь* — *сжигать* это показала Жюли Гроэн (J. Groen), устное сообщение.

Таким образом, глагольная приставка в русском языке всегда привносит идею темпоральной структуры. Когда семантические различия между приставочным и бесприставочным глаголом по существу сводятся только к этому, говорят о том, что приставка выражает определенный способ действия.

Способы действия в русском языке

Понятие способа действия было введено С. Агреллем в 1908 году [7]. Точнее говоря, в этой работе было введено противопоставление между видом (*Aspekt*) и способом действия (*Aktionsart*). В отличие от грамматической категории вида способом действия С. Агрелль назвал «семантические функции приставочных глаголов, которые уточняют, как совершается действие, обозначают способ его осуществления» (цитируется по: [2, 36]). Позднее сфера определения этого термина расширилась: носителями способов действия стали признаваться не только приставки, но и некоторые суффиксы (например, суффикс *ну* со значением однократности) или даже более сложные словообразовательные приемы.

В соответствии с «Русской грамматикой» в русском языке выделяются три группы способов действия: временные, количественно-временные и специально-результативные [6, 596–598]. Первую группу, т. е. чисто временные способы действия, составляют начальный, ограничительный, длительно-ограничительный и финитивный.

Можно сказать, что речь идет об особой концептуализации глагольного действия. В действии выделяются два момента времени, являющиеся его границами: начало и конец данного действия. Фактически они выполняют функции своеобразных «внутренних»

точек отсчета. Начинательный способ действия означает выделение момента начала действия и рассмотрение относительно него либо всего действия, либо той фазы действия, которая примыкает к началу (следует после него): *Петруша нервно забежал по комнате или Кучер пискнул фальцетом — и лошади побежали*. Финитивный способ действия означает выделение момента конца действия и рассмотрение примыкающего к нему действия или его фазы (предшествующей концу): *Отзвенели песни нашего полка*. Оба ограничительных способа действия означают выделение двух ограничивающих действие моментов времени (начала и конца) и рассмотрение действия в заданной ими рамке. Различия между двумя ограничительными способами действия, как принято считать, возникают за счет дополнительного семантического компонента длительности действия, например, *Я простоял там целый час* и *Я стоял там всего один час* (пример Ю. С. Маслова, см.: [4]).

Как и в случае с категорией времени, возникает соблазнительно простая и красивая триада значений. С семантической точки зрения, отличие триады способов действия от триады грамматических времен состоит только в том, что используются две (а не одна) точки отсчета и эти точки отсчета «внутренние» (а не «внешние»), т. е. это моменты самого действия. Таким образом, происходит не локализация действия относительно каких-то других событий, а структурирование данного действия. С теоретической точки зрения, вся эта конструкция чрезвычайно привлекательна своей простотой и ясностью, тем более что носителями этих значений являются конкретные морфемы — глагольные приставки. В соответствии с «Русской грамматикой» начинательность выражается префиксами *за-*, *по-*, *вз-*, *воз-*, а также префиксами *раз-* и *вз-* в сочетании с постфиксом *-ся*; финитивность — префиксом *от-* (с постфиксом *-ся* или без него); а ограничительность — либо префиксом *по-* (ограничительный способ действия), либо префиксами *про-* и реже *пере-* (длительно-ограничительный способ действия) [6].

К сожалению, некоторые языковые факты заставляют усомниться в том, что это изящное описание глагольной и приставочной семантики отражает реальное положение дел.

Способы действия и значения приставок

Тот факт, что реальная семантическая ситуация сложнее, достаточно очевиден и по существу общеприят. Так, например, в «Русской грамматике» различаются две разновидности начина-

тельного способа действия: «приступ к действию, начальный фазис действия (*заходить*)» и «начало и продолжение действия в едином целом, которое не членится на фазисы (достижение результата в процессе возникновения действия): *пойти, вскричать*» [6, 596–597]. Более того, вообще каждая приставка, представляющая начинательный способ действия, имеет свои особенности и содержит специфические семантические нюансы. Что касается ограниченности, то здесь расхождение даже сильнее, поскольку говорится о двух разных способах действия: ограниченном и ограниченно-длительном [6].

В действительности, ситуация, по-видимому, еще более сложна, а представленные в «Русской грамматике» и других работах описания временных способов действия оказываются чрезмерным упрощением реального положения дел. Имеет смысл сосредоточиться на наименее описанном финитивном способе действия и отчасти на ограниченном. Начинательный способ действия в настоящей работе не рассматривается [6].

Одно из самых странных лингвистических заблуждений связано с приставкой *от-* и финитивным (или окончательным) способом действия. В таких примерах, как:

Отцвели уж давно хризантемы в саду;

Отговорила роща золотая;

Отмучался бедный старик;

Отревновав, отмучившись, отплакав, они угомонятся и простят;

Ваш дядюшка отпрыгал ли свой век?

— нет собственно идеи прекращения действия. Речь идет о переходе субъекта в определенное состояние, в котором он уже не способен совершать данное действие. Эта невозможность может быть окончательной, как, например, в случае с *отмучиться* в значении 'умереть', или временной, существенной для данной фазы развития (например, *отцвести*). Окончателность может подчеркиваться словом свое: *Этот мотор свое отработал* или *Я свое отлюбил*. В этих примерах речь идет о выработанности, истощенности изначально отведенных механизму или человеческой душе ресурсов. Таким образом, актуальное отсутствие действия является следствием невозможности его осуществления.

В ряде примеров другого типа:

Ну все, на сегодня отучились;

Отстрелялись и по домам!

— также сообщается не о простом прекращении действия, а о достижении или выполнении некоторой заданной нормы и отсутствии

необходимости продолжать действие. Вообще, идея заданной свыше и изначально нормы или обязанности характерна для приставки *от-* и во многих других употреблениях (ср., например: *После института я отработал три года на производстве* или *Я отработаю этот долг*). Так что и здесь идея конца не представлена в чистом виде, скорее, она просто следствие «завершенности действия» — значения, выражаемого большинством глаголов совершенного вида, — а само завершение связано с более конкретными идеями, характерными для приставки *от-*.

Более того, приставка *от-*, как правило, не способна выражать идею прекращения или завершения актуального действия. Так, нельзя сказать **Он нервно заходил по комнате, а потом вдруг отходил* или **Когда вы откурите, возвращайтесь на рабочие места*. Иначе говоря, приставочные *от-*глаголы практически не бывают синонимичны сочетанию соответствующего простого глагола с глаголом *кончить*. Таким образом, нет никаких оснований говорить об особом финитивном способе действия, симметричном начинательному.

Что же касается ограничительного способа действия, то здесь различие между соответствующими значениями приставок *по-* и *про-* глубже, чем просто различие по длительности (см. об этом: [3]). Несколько упрощая описание, можно сказать, что для *про-*глаголов в фокусе внимания находится временной отрезок, который заполняется соответствующим действием (отсюда обязательность четкого задания данного отрезка и невозможность просьбы или приказа относительно самого действия: **Он проспал сколько-то* и **Проспи часа три*), а для *по-*глаголов — само действие, как правило, ограниченное другими действиями и оцениваемое как второстепенное, не важное: *Поспал, поел и опять поспал*. Различие между этими значениями *по-* и *про-* связано с более глубокими свойствами этих приставок, которые принципиально по-разному представляют и концептуализируют действие. Попытка их объединения приводит к появлению абстрактного лингвистического конструкта — понятия «ограниченности», — не обладающего ни объяснительной силой, ни какой-либо другой практической ценностью.

Заключение

Итак, традиционные способы глагольного действия — это обобщения значений конкретных приставок, причем обобщения достаточно высокого уровня, при котором часто теряются суще-

ственные семантические черты приставок. При более внимательном взгляде на русскую глагольную префиксацию становятся очевидными сложность и асимметричность соответствующей семантической картины. Простые априорные по отношению к русскому языку идеи в чистом виде (т. е. в качестве отдельных значений какой-либо приставки), по-видимому, практически не встречаются. Они всегда отягощены другими семантическими компонентами или встроены в сложную семантическую систему — концептуализацию действия, представляемую приставкой. Простота системы временных способов действия («магическая триада») оказывается не более, чем приятной иллюзией.

Тем не менее хочется надеяться, что в настоящей работе получен не только отрицательный результат. Возвращаясь к началу статьи, можно с большой уверенностью сказать, что значения глагольных приставок участвуют в формировании внутренней темпоральной структуры действия или, говоря словами логиков, в концептуализации временной субстанции действия, являясь тем самым для действия особого рода координатами времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Г. Х. Вригт. Время, изменение и противоречие // Г. Х. Вригт. Логико-философские исследования. Избранные труды. М., 1986, с. 513–538.
2. Вопросы глагольного вида. М., 1962.
3. М. А. Кронгауз. Приставки и глаголы: грамматика сочетаемости // Семиотика и информатика, 1995, вып. 34, с. 32–57.
4. Ю. С. Маслов. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании // Вопросы глагольного вида. М., 1962, с. 7–32.
5. Ю. С. Маслов. Вид // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990, с. 83–84.
6. Русская грамматика. М., 1980, т. 1.
7. S. Agrell. *Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte. Ein Beitrag zum Studium der Indogermanischen Proverbia und ihrer Bedeutungsfunktionen.* Lund, 1908. (Перевод фрагмента см.: [2, 35–36].)
8. S. Karcevski. *Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique.* Prague, 1927. (Перевод фрагмента см.: [2, 218–230].)

В. А. Плунгян

ВРЕМЯ И ВРЕМЕНА: К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ ЧИСЛА

1. Вводные замечания

Знаменитое изречение Цицерона *O tempora, o mores!* (из его первой речи против Катилины) обычно переводится на русский язык так:

О времена, о нравы!

В контексте сказанного Цицероном этот перевод не совсем точен. Следовало бы перевести чуть менее буквально, а именно:

О время, о нравы!

Действительно, Цицерон имеет в виду современную ему эпоху, то время, в котором ему приходится жить и действовать, а такое понимание требует в русском языке скорее единственного, чем множественного числа лексемы *время* (ср. некоторую предпочтительность *О, наше время!* по сравнению с *?О, наши времена!*).

В чем здесь дело? Какой лингвистический эффект скрывается за этой грамматической неэквивалентностью двух языков (достаточно хорошо ощущаемой носителями, несмотря на возмущающий фактор длительной литературной традиции)? По-видимому, ответ следует искать на пересечении двух тем: грамматической семантики русского числа и лексической семантики слова *время*.

Вообще, параллелизм форм *время* и *времена* в целом ряде контекстов (при их очевидной невзаимозаменяемости в других) — достаточно любопытное явление лексикализации грамматического противопоставления по числу, семантического «разведения» сингулярных и плюральных форм. Для развития русской грамматической системы это очень характерная тенденция, действующая с удивительной последовательностью по крайней мере последние 200 лет. Многочисленные примеры такого рода можно найти в подробном описательном исследовании Д. И. Арбатского [1]; отметим также относящиеся к более близкому периоду времени наблюдения Л. Б. Лебедевой над парой *слово — слова*, демонстрирующей в целом тот же феномен [3].

Возможность взаимозамены сингулярных и плюральных форм без видимого изменения смысла — достаточно хороший критерий, диагностирующий нестандартную семантику множественного числа. Вместе с тем, нельзя согласиться с утверждением, высказывае-

мым, в частности, в «Грамматике русского языка» (1960) о полной синонимии этих форм у леммы *время* ([2, 112]; в качестве примера приводится пара *веселое время — веселые времена*).

На несимметричность форм *время* и *времена* недавно специально обратила внимание Е. С. Яковлева [5]. В ее книге подробно рассматриваются семантические свойства каждой из форм, причем особенно пристально анализируются отношения между элементами семантического ряда *время — пора — времена* и отмечается существенная семантическая и концептуальная близость между вторым и третьим элементом как выразителями прежде всего идеи «статического» и/или «циклического» времени, принадлежащего человеческой истории, но лишенного при этом субъективного компонента [5, 142–161]. Ниже мы постараемся в какой-то степени дополнить эти наблюдения и предложить такое объяснение полученных фактов, которое могло бы связать индивидуальные свойства данной леммы с некоторыми общими свойствами грамматической категории числа в русском языке; таким образом, наше исследование оказывается, в отличие от предыдущих, ориентированным не столько на анализ темпоральной лексики, сколько на чисто грамматическую проблематику.

2. Структура леммы *время*

Тем не менее, мы хотели бы начать именно с лексикографических замечаний. Лемме *время* в толковых словарях обычно приписывается несколько различных значений (ср. в МАС: 'длительность', 'мера длительности', 'последовательная смена часов, дней, лет и т. п.', 'отрезок', 'определенный момент' и мн. др.). Такое описание оставляет ощущение известной неудовлетворенности, главным образом, по двум причинам. Во-первых, произвольное употребление леммы *время* в тексте бывает трудно соотнести с тем или иным значением: почему, например, *время* в контексте *время идет* относится в МАС к значению 1 (под общей шапкой 'длительность'), а в весьма сходном (если не сказать — аналогичном) контексте *время подошло к десяти* — уже к значению 3 (под общей шапкой 'определенный момент')? Ведь то, что «подошло к десяти» само никак не может быть «моментом», а является, по всей вероятности, той же «длительностью» (что бы под этим ни понимать). С этой первой трудностью тесно связана и вторая: конкретные толкования бывает весьма непросто соотнести с теми примерами, которые при них в самом же словаре даются; между лексикографическим определением слова и совокупностью его упот-

реблений не ощущается интуитивной связи, одно никак не предсказывает другое. В самом деле, если *время* (в одном из своих значений) — это «отрезок в последовательной смене...», то почему в качестве примера на это значение дается сочетание *терять время*? Неужели то, что мы в таких случаях теряем, является «отрезком», да еще к тому же «в последовательной смене»? Как кажется, с той же степенью логичности можно было бы считать, что мы теряем «длительность» или «момент». Точно так же, если *время* (уже в другом значении) — это просто «последовательная смена», то почему в качестве таковой оно (судя по примерам) обладает способностью *не ждать, тянуться* или, наоборот, *лететь*? Ведь между идеей «сменности» и идеей «движения» нет такой уж очевидной связи, а способность «последовательной смены» к ожиданию — вообще особый лексикографический феномен, который, будучи помещен в данный контекст, остается никак не объясненным.

Подобные замечания можно было бы привести во множестве, и та легкость, с которой это можно сделать, настораживает: если даже в таком тщательно составленном словаре, как МАС, лексема *время* явно не желает вписываться в принятые рамки лексикографических трактовок, то, скорее всего, есть что-то в ее природе, что этому очень активно сопротивляется. Действительно, про лексему *время* трудно сказать, что она «делится на значения»; более того, попытка описать хотя бы одно из этих «значений» с помощью принятой схемы толкований, содержащей отсылку к *genus proximum* и перечень *differentia specifica*, наталкивается на почти непреодолимые трудности. Как бы ни изощрялся лексикограф, отыскивая *genus proximum* для понятия 'время', он все равно будет поставлен в тупик необходимостью объяснить, почему определенное таким образом *время идет* и почему мы его *тедьяем* (и при этом, так сказать, одновременно: как-то неуклюже утверждать, что *время «проходит»* в одном своем значении, а «теряем» мы его — уже в другом).

Словари не виноваты — виновато время. Аналоги такому лексикографическому поведению среди других слов подобрать трудно¹.

¹ Разумеется, особенностью лексемы *время* является не то, что для описания ее семантической структуры плодотворно (как будет показано ниже) использование метафор разного рода. *Время* отличается от обширного класса метафорически интерпретируемых понятий (описанных в работах Н. Д. Арутюновой, В. А. Успенского, а позднее — у Дж. Лейкоффа и его последователей) прежде всего тем, что метафоры — вообще единственный способ описать его значение, поскольку в живой картине мира для понятия «время» (в отличие от таких понятий, как «любовь», «радость» или «авторитет») не существует никакого естественного таксономического класса.

Все, что мы можем предложить в такой ситуации, — это отказаться от общепринятой схемы лексикографических дефиниций и, тем самым, от попытки найти для времени место в таксономической классификации. Взамен можно было бы описывать время как слово-хамелеон: его сущность определяется не тем, к какому классу оно может относиться, а тем, что оно может в каждом из своих употреблений напоминать носителю (русского) языка. Оказывается, что (по материалам достаточно представительной текстовой выборки) из всего многообразия контекстов употребления слова *время* можно выделить пять наиболее употребительных «метафорических блоков» (мы не решаемся называть их «значениями»); некоторые из этих блоков семантически близки, связь между другими не представляется столь же очевидной. Схематически их можно представить следующим образом:

1. *Время-путник*: «то, что движется» (*время идет; время проходит; время подходило к шести...*).
2. *Время-агрессор*: «то, что разрушает» (*почерневший от времени забор; время не пощадило эти статуи...*).
3. *Время-субстанция*: «то, количество чего можно измерить» (*осталось мало времени...*).
4. *Время-контейнер*: «то, что заключает в себе некоторое событие — длительное (отрезок) или мгновенное (точка)» (*во время работы; в это время...*).
5. *Время-имущество*: «то, чем обладают» (*терять время; тратить время; у меня сейчас нет времени...*).

Вообще говоря, можно было бы пытаться установить более тонкие внутренние связи между этими блоками. Так, например, идею субстанции можно было бы связать с идеей движения: бывает движущаяся субстанция — например, вода, и, между прочим, представление о времени как о текущей воде не чуждо русскому языковому сознанию, ср.: *с течением времени, много воды утекло* [= 'прошло много времени']; существует даже составной предлог *в течение*, вводящий как раз названия отрезков времени. При этом (движущуюся) субстанцию легко представить себе как количество, которое может быть измерено. С другой стороны, такой субстанции нетрудно приписать и свойство агрессивности, какое нередко бывает у стихии, и т. п. Однако мы предпочли бы не следовать по этому пути слишком далеко: как кажется, язык отнюдь не стремится создавать здесь стройную и непротиворечивую схему. Действительно, когда мы рассуждаем, например, о почерневшем от времени заборе, мы вряд ли представляем себе, что этот забор был

разрушен чем-то наподобие разбушевавшегося водного потока — вряд ли мы вообще представляем себе в этом случае нечто материальное. В таких употреблениях актуализуется именно идея «разрушителя», а все прочие представления остаются в лучшем случае в тени — потому-то мы и предпочитаем говорить о нескольких самостоятельных блоках употреблений.

Кроме того, следует иметь в виду, что за пределами перечисленных блоков остаются еще многие изолированные употребления лексемы *время* (например, *тянуть время*, *убивать время* или даже семантически гораздо менее яркие, но не менее загадочные *проводить время* или *через некоторое время* — действительно, почему, собственно, *через?* на какую метафору это опирается?). Мы полагаем, однако, что правомерность выделения именно данных пяти блоков в том и состоит, что каждый из них объединяет конгломерат близких употреблений, составляющих, вообще говоря, открытый класс: так, на основе метафоры движения могут возникать такие (не входящие ни в один словарь) сочетания, как *время плетется*, *тащится*, *мчится* и т. д., и т. п.; однако сочетание *убивать время* остается изолированным, оно не порождает «блока»: мы не можем сказать ни **умерщвлять время*, ни **приканчивать время*, ни чего-либо еще в том же роде. Тем самым, метафоры «время как жертва» в русском языке в некотором смысле не существует, она мертва; есть только одно идиоматическое выражение, эксплуатирующее эту идею.

Мы включили в статью это отступление лексикографического характера прежде всего для того, чтобы показать семантическую неоднородность лексемы *время*, которая проявляется в самых разных аспектах. В частности, то, что будет сказано ниже о противопоставлении форм *время* и *времена*, относится, как можно видеть, лишь к одному из выделенных нами блоков, а именно, к четвертому (идея времени как вместилища событий — один из самых распространенных типов употреблений). Именно в этих контекстах, где *время* понимается как 'время некоторого события', 'отрезок, являющийся вместилищем события или цепи событий', формы как единственного, так и множественного числа оказываются равно возможны (заметим, что в других блоках употребление формы множественного числа вообще недопустимо: нельзя сказать ни **осталось мало времен*, ни **времена идут*, ни **почерневший от времен*, ни, тем более, **терять времена*); при этом, подчеркнем еще раз, «равно возможны» отнюдь не означает «полностью синонимичны». О семантической разнице между той и другой формой и пойдет речь в следующем разделе.

3. О семантике формы *времена*

Возможность синонимической замены форм *время* и *времена* можно показать на следующих примерах (первой приводится та форма, которая реально употреблена в тексте²):

- (1) — В числе прочего я говорил, — рассказывал арестант, что всякая власть является насилием над людьми и что наступит *время* [~ наступит *времена*], когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо иной власти [ММ].
- (2) — Оно верно, *время*-то теперь ужасное [- *времена*-то теперь ужасные]. Кого ещепустишь, неизвестно, а тут офицеры, в случае чего — защита-то и есть... [БГ].
- (3) У подъезда магазина стояла закопченная и развинченнная мотоциклетка с лодочкой, и дверь на пружине поминутно хлопала, и каждый раз, как она открывалась, над ней звенел великолепный звоночек — бррынь-бррынь, напоминающий счастливые и недавние *времена* [- *счастливое* и *недавнее время*] мадам Анжу [БГ].

С другой стороны, в таких примерах, как (4)–(6), замена форм друг на друга невозможна:

- (4) Полез по куче битого кирпича, а затем, как муха, по отвесной стене, вставляя ноги в такие норки, что в мирное *время* [*в мирные *времена*] не поместилась бы и копейка [БГ].
- (5) Я, надо сказать, маленький сотрудник газеты «Пароходство». Жил я в то *время* [*в те *времена*] в плохой, но отдельной комнате в седьмом этаже в районе Красных ворот у Хомутовского тулика [ТР].
- (6) Эх, эх... Болботун не может быть великий князь. Восемьсот тысяч войска не может быть, и миллиона тоже... Впрочем, туман. <...> Огонь на полу танцует. Ведь вот же были мирные *времена* [*было мирное *время*] и прекрасные страны. Например, Париж и Людовик с образками на шляпе <...> [БГ].

² Здесь я ниже, если специально не указано иное, используются примеры из прозы М. А. Булгакова. В скобках даются сокращенные названия произведений: БГ — «Белая гвардия», ММ — «Мастер и Маргарита», ТР — «Театральный роман».

Отметим попутно особую частотность лексемы *время* в романе «Белая гвардия», про который можно сказать, что *время* является его полноправным героем — столь значительное место оно занимает и в разговорах персонажей (особенно в их постоянных сетованиях на *тяжелое* или *ужасное время*), и в авторских ремарках.

(Обратим внимание на интересный контраст между примерами (4): *мирное время* и (6): *мирные времена*; в обоих случаях замена на противоположное число не допускается — объяснение этому обстоятельству будет дано ниже.)

В первом приближении можно сказать, что со всеми употребленными формы множественного числа связан некоторый общий семантический эффект, сводящийся к идее гетерогенности: денотат слова *времена* осмысляется как в том или ином отношении внутренне неоднородный, содержащий некоторые важные для говорящего различия. Существуют две основных контекстных реализации этой идеи гетерогенности: количественная (более редкая) и качественная (более распространенная).

При актуализации количественного компонента форма *времена* осмысляется наиболее стандартным для формы множественного числа образом: как обозначающая разные периоды времени. Характерным примером такого употребления является (6): сочетание *мирные времена* однозначно интерпретируется как 'различные периоды, называемые *мирное время*' (эта интерпретация поддерживается и непосредственно следующим множественным числом *прекрасные страны*³). Наиболее обычно количественное употребление в сопровождении какого-нибудь модификатора (типа *А-ые времена*); сочетание в целом обозначает совокупность всех отрезков времени («всех эпох»), обладающих свойством А. Именно таков контекст примера (6). Другие примеры того же рода:

(7) *О временах простых и грубых* (- 'о всех таких эпохах')

Копыта конские твердят... (О. Э. Мандельштам).

(8) *Глагол времен* (- 'всех/разных эпох'), *металла звон*

(Г. Р. Державин).

Разумеется, в таких контекстах замена формы *времена* на форму *время* невозможна без потери информации о количественной множественности, поэтому чаще всего такая замена просто

³ Аналогичный прием — закрепление количественной интерпретации формы *времена* за счет включения ее в один ряд с множественным числом пространственной лексемы — использован и в следующем предложении (из повести А. и В. Стругацких «Пикник на обочине»), где, однако, данный параллелизм, в отличие от булгаковского текста, в большей степени производит впечатление сознательной стилистической игры авторов: «...Он сился вспомнить Кирилла, святого человека, его быстрые уверенные движения, его смех, его голос, обещающий небывалые и прекрасные места и времена...».

невозможна, а там, где она возможна, она ведет к существенному изменению смысла: так, если бы (7) начиналось со слов *О времени простом и грубом* (сама по себе эта конструкция вполне возможна), то интерпретация была бы 'об одной определенной эпохе с такими свойствами'.

Количественное понимание лежит в основе многих фразеологических выражений с участием формы *время*. Это, прежде всего, сочетание *на все времена* ('обладающий безусловной, «вневременной» ценностью», ср.: *он поэт на все времена*); кроме того, эта связь достаточно очевидна и для наречий *временами* и *по временам*, обозначающих итеративные ситуации⁴.

С другой стороны, та контекстная интерпретация формы *время*, которую мы называем качественной, возникает в ситуации, когда понимание 'несколько различных эпох' отчетливо исключено; ср. пример (3), а также (9)–(10):

(9) *Он был в странной форме: на голове светозарный шлем, а тело в кольчуге, и опирался он на меч, длинный, каких уже нет ни в одной армии со времен Крестовых походов [БГ].*

(10) *Господи... последние времена настали. Что ж это, режут людей?.. Да что ж это... [БГ].*

Собственно говоря, если заменить форму единственного числа на форму множественного в примерах (1) и (2), то мы получим также вполне приемлемые контексты того же рода, ср. (2а): *...времена-то теперь ужасные.*

В этом классе употреблений объяснить тонкую семантическую разницу между единственным и множественным числом оказывается труднее. С нашей точки зрения, она сводится к тому, что период человеческой истории, обозначаемый как *времена*, осмысливается как качественно неоднородный: это эпоха, в течение которой происходят слишком разные события, чтобы называть ее просто *временем*. То же самое можно сформулировать и иначе: взгляд на эпоху «изнутри» способствует употреблению множественного числа, взгляд «извне» (когда она вся целиком сравнивается с другими эпохами и говорящий не склонен обращать внимание

4 В русском языке значение итеративности (и/или континуальности) может передаваться следующими выражениями, в состав которых входит лексема *время* (в единственном или множественном числе): *временами*, *время от времени*, *всё время* и *по временам*. Полное семантическое описание этих единиц — очень интересная задача, которая, к сожалению, остается за рамками настоящих замечок. Некоторые интересные наблюдения на эту тему см.: [5, 299–304].

на ее внутреннее разнообразие) — употреблению единственного числа. Это, в частности, объясняет употребление единственного числа в контекстах типа (4): характеризуя некоторый период как «мирное время», говорящий противопоставляет его в целом другим периодам («не-мирным»); подчеркивание качественного разнообразия было бы здесь неуместно. Отметим в этой связи интересную корреляцию между близостью к моменту речи («эпохе говорящего») и единственным числом: в русском языке равно возможно *в те времена* (если речь идет о детальной характеристике некоторой отдаленной эпохи) и *в то время* (если говорящий просто противопоставляет один отдаленный временной период другому, ср. пример (5)), но показатели ближнего дейксиса сочетаются только с единственным числом: *в это время*, но не *в эти времена; данной корреляцией объясняется и отмеченная в самом начале статьи предпочтительность сочетаний типа *в наше время* по сравнению с ?*в наши времена*: время говорящего оказывается слишком актуализовано и целю, чтобы члениться на какие-то качественно неоднородные этапы.

Из сформулированного принципа (связь множественного числа и качественной неоднородности) есть одно очень важное прагматическое следствие, которое хорошо объясняет существенную часть всех плюральных употреблений. Разнообразие событий часто осмысливается как прежде всего оценочное разнообразие: 'разные' — значит, 'всякие', 'всякие' — значит, 'как хорошие, так и плохие', а это последнее естественным образом трансформируется в понимание 'в целом скорее плохие'. В употреблениях формы *времена* могут быть отражены разные стадии такого семантического скольжения (например, в (9) никакой отрицательной оценки не содержится), но все же употребление формы *времена* наиболее типично именно для обозначения «сложной», «превратной», «негладкой», «проблемной» эпохи. Проведенный нами опрос большого числа информантов подтверждает, что носители современного русского языка склонны употреблять прилагательные *плохой* и *хороший* в сочетании с единственным и множественным числом лексемы *время* в соответствии с этой же тенденцией, то есть преобладающим является противопоставление (11):

(11) *хорошее время - плохие времена.*

Разумеется, сочетания *хорошие времена* и *плохое время* вполне возможны, но в наиболее нейтральном контексте предпочитается принцип (11). Отрицательная оценка непосредственно взаимодействует здесь с качественной неоднородностью.

4. Значение гетерогенности и семантика множественного числа

Итак, мы рассмотрели разные контексты употребления формы *времена*. Было показано, что множественное число возможно только в одном из блоков употреблений лексемы *время* — том, в котором она связана с идеей отрезка, вмещающего некоторую последовательность событий, т. е. предполагающем понимание времени как, условно говоря, «эпохи». Далее, внутри этого класса употреблений выбор формы множественного числа связан с дополнительным семантическим эффектом, который мы предложили называть гетерогенностью: речь идет либо о простом количественном разнообразии описываемых эпох (контексты типа *во все времена, когда...*), либо о более тонком случае качественного разнообразия одной описываемой эпохи; в этом последнем случае чаще всего, в силу прагматических факторов, речь идет о «негладком», «проблемном» или попросту «плохом» времени.

Теперь мы можем попытаться ответить на заключительный вопрос: что в поведении лексемы *время* является проявлением ее индивидуальных особенностей, а что соответствует общим тенденциям числового поведения, наблюдаемым у русских субстантивных лексем?

Как мы уже отмечали, лексикализация множественного числа — продуктивная тенденция развития русской грамматической системы; однако можно сделать и более сильное утверждение. Есть основания считать, что выражение количественной множественности вообще не является доминирующим принципом употребления граммы множественного числа в русском языке (см. более подробное обоснование этого тезиса: [4]). Для русского множественного числа, в частности, характерны употребления, в которых плюральная форма соотносится с некоторым новым, качественно неоднородным единством, возникающим на основе обозначаемого сингулярной формой объекта (ср. формы типа: *клавиши, волосы, спички*, обозначающие особым образом организованные совокупности, для которых предлагается термин «набор», см.: [4]). Приведенная формулировка почти в точности соответствует принципу, регулирующему употребление формы множественного числа у лексемы *время*. Однако тот тип «объекта», с которым соотносится форма *времена*, является все же для семантики русского множественного числа не вполне

стандартным. Действительно, *время* и *времена* соотносятся друг с другом не совсем так, как, например, *слово* и *слова* или (если оставаться в кругу слов темпоральной семантики) как *час* и *часы* (в последнем случае мы имеем в виду такие контексты, как *в часы одиночества; он мог говорить часами*, и т. п.). И *слова*, и *часы* — это (так же, как, допустим, *волосы* или *спички*) особые, сложно организованные объекты, но тем не менее, в конечном счете состоящие из того, что может быть названо соответствующей формой единственного числа: так, *слова* — это некоторый текст, т. е., в конечном счете, совокупность слов. Но *времена* в общем случае не являются чем-то, что можно определить как совокупность времен (= «эпох»): *времена* — это и есть *время*, только обладающее особыми характеристиками. Не слишком близка форма *времена* по своей семантике и к хрестоматийно известным образованиям типа *пески* и *снега*, поскольку в нашем случае идея количественной интенсивности в семантике плюральной формы не актуализована: ведь *времена* — это не «много времени, собранного в одном месте».

Есть ли вообще в русском языке другие примеры пар, в которых форма множественного числа (*X-ы*) значит нечто вроде 'X, обладающий особыми свойствами'? Ближайшими кандидатами являются немногочисленные случаи типа *пары́* 'испарение жидкости, не являющейся водой' (т. е., в сущности, 'пар особого рода'); похожую семантику имеют формы *вóды*, *основы* и некоторые другие. Трудным вопросом является то, входит ли в значение этих плюральных форм компонент гетерогенности, который составляет столь яркую особенность формы *времена*; такая трактовка представляется нам вполне возможной. Как бы то ни было, *слова* типа *пары́* и *вóды* остаются, в отношении числового поведения, наиболее близким аналогом слова *времена*, и это неожиданным образом напоминает о тех аналогиях между временем и веществом, которые так настойчиво возникали при рассмотрении структуры значений лексемы *время* в разделе 2.

ЛИТЕРАТУРА

1. Д. И. Арбатский. Значение форм множественного числа существительных в современном русском литературном языке. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1954.

2. Грамматика русского языка. М., 1960, т. 1.
3. Л. Б. Лебедева. *Слово и слова* // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991, с. 194–197.
4. В. А. Плунгян; Е. В. Рахилина. Семантические типы предметных имен: грамматика, лексика и когнитивная интерпретация // Диалог–95: Труды Международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Казань, 1995, с. 252–258.
5. Е. С. Яковлева. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

Н. Д. Арутюнова

О НОВОМ, ПЕРВОМ И ПОСЛЕДНЕМ

«Слова новизны» (*новое, новость, новинка, обновление, обновление, новшество, новичок, новатор* и др.) а также образования с префиксами *ново-* и *нео-* (*нововведение, новобранец, неореализм* и т. п.) принадлежат вместе с рядом религиозных, социальных и аксиологических терминов к «действующим силам» языка. Они магически заряжены. Их «прикосновение» к денотату (будь то предмет, человек, идея или произведение искусства) тотчас вводит его в круг социального интереса. О новом говорят, новости сообщают, не слишком заботясь об их достоверности. Они составляют основной предмет массовой коммуникации. Новые спектакли спешат посмотреть, новые произведения искусства — прочесть, услышать, увидеть, новые анекдоты — рассказать первыми. Переставая быть новым, анекдот утрачивает силу. Старб — это приговор. Над старым смеются, но старое не смешит. «Знаете ли вы, господа, сколько значит, в обширной нашей столице, человек, имеющий у себя в запасе какую-нибудь новость, еще никому не известную?... По-моему, он почти великий человек; и уж бесспорно, иметь в запасе новость лучше, чем иметь капитал», — писал Достоевский в «Петербургской летописи» [6, т. 18, 18].

Встречаясь, знакомые спрашивают друг друга «Что нового?». И хотя англичане говорят «No news, good news», ответ «Ничего нового» или «Все то же» разочаровывает, а тот, у кого нет новостей, чувствует себя обездоленным. «А уж известно, — замечает Достоевский, — что после погоды, особенно когда она дурная, самый обидный вопрос в Петербурге — *что нового?* ... Действительно, полная безнадежность налегла на этот петербургский вопрос. Но всего оскорбительнее то, что часто спрашивает человек..., знающий заранее, что нет нового» [6, т. 18, 12–13].

Новое неизменно вызывает интерес. Журналы, теряющие читателей или возобновляющие издание, вводят в свое название знак новизны: «Литературное обозрение» превращается в «Новое литературное обозрение» («Литобоз» в «НЛО»), «Путь» — в «Новый путь». Многие журналы, общественные заведения, теории и пр.

изначально включают в свое название прилагательное *новый*: «Новый мир», «Новая жизнь», «Новый быт». Этим подчеркивается их обращенность к новым формам бытия и быта.

Новое манит и соблазняет, но его боятся. «Любопытно, чего люди больше всего боятся? Нового шага, нового собственного слова они больше всего боятся», — думает Раскольников. Его смущает *новизна шага*, а не нравственный запрет [6, т. 6, 6].

Старое надежно. Оно проверено временем. В нем собраны опыт и мудрость прошлых поколений. Ему доверяют; новое же сомнительно и нередко вызывает подозрение. Старое устойчиво. Русское *старый* восходит к индоевр. *st(h)a* 'стоять' (ср. греч. *στάσις* 'кол', лат. *restaurare* 'восстанавливать'). Этому понятию могли сопутствовать такие коннотации, как *сильный, плотный, большой, упорный, гордый* и вместе с тем оно вызывало представления о *неподвижности, закостенелости, ослепенности*.

Когда циклическое представление о времени сменилось линейным, усилились ассоциации этого второго типа. Страх перед новым сменился требованием новизны. Оно стимулирует творческую активность. Человек не только ждет нового, он его создает, ибо «человек есть животное созидающее» [6, т. 4, 198]. Время приносит новое из будущего, человек привносит его в будущее.

Все изменения, происходящие в мире, подлежат оценке. Все новое оценивается. Оно задает особый — *новый* — параметр оценки, соперничающий с оценкой по истинности. Нужда в нем вызвана тем, что, наряду с новым, появилось псевдоновое. Производство нового стало своего рода «экономическим требованием современной культуры, которая вознаграждает только нарушение табу, разрыв с условностями, протест, критику и эстетическую инновацию. Создание нового является не выражением автономной человеческой свободы..., а подчинением требованиям современной культурной индустрии» [4, 115].

Престиж нового неуклонно растет. Важность для человеческой жизни понятия нового подтверждается фактами языка. Новое требует маркировки; старое же (не в качественном значении) уже известно и обозначено. Оно помечается лишь в оппозитивном контексте, обычно в период борьбы с наступающим на его права новым, и его сопровождают отрицательные коннотации. В паре *новое — старое* первый компонент является маркированным членом оппозиции. Маркировка нового столь же необходима на фоне жизни, устремленной в будущее, как и на фоне стабильного существования. Возможно, даже в этом втором случае она делается более регулярно. В словаре Ушакова зарегистрировано всего 31 слово с

элементом *ново-*, тогда как в словаре Даля, отражающем лексику устойчивой традиционной жизни, их 150. О *новом* в топонимике см. в [2]. В список Даля входят многие слова, обозначающие «циклически новое», т. е. первое в том или другом временном цикле, типа *новоплоды* — плоды этого года. Им неизменно сопутствуют позитивные коннотации. Напротив, *новое* новых веяний, связанное с линейным временем, нередко противостоит *доброму* (Все *новое*, да *новое*, а когда же будет *доброе*), *правому* (Все *по новому*, а когда же будет *по правому*), *хорошему* (Много *нового*, да мало *хорошего*), *прямому* (Все *новизна*, а когда же будет *прямызна*?; Много *новизны*, да мало *прямызны*). Новое линейного времени искривляет линию: *Что новизна, то и кривизна* [5, т. 2, 550–551]. Но сколь бы упорной ни была борьба традиционной жизни с новым, традиция всегда уступает: ее возобновление невозможно без обновления. С тех самых пор, когда образ идеального мира (рая, Эдема) переместился из прошлого человечества в его будущее (Царство Божие наступит в конце времен), именно *новое*, а не *старое*, *древнее*, *былое*, *прошлое*, *прошедшее*, *бывшее*, *давнее*, *стародавнее*, *минувшее* и *прежнее* постепенно стало выдвигаться в число активно действующих сил языка. О значении слов *старое*, *бывшее*, *прежнее* см. [8; 10; 3, 380–381]. Но мы не будем сейчас задерживаться на социологическом аспекте семантики новизны (мы к нему еще вернемся) и перейдем к выяснению самой ее специфики.

* * *

Семантика новизны представляет чрезвычайный интерес. Он определяется прежде всего тем, что «новое» характеризует бытие в его целостности. *Новизна* практически *универсальна*. Бытие определяется тремя основными параметрами: онтологическим, пространственным и временным. Первый касается природы бытующих предметов, второй — области их бытования, третий — темпоральных границ бытия. Все три параметра, хотя и в разной степени, релевантны для понятия новизны. Концепт новизны варьируется в зависимости от определяемого им объекта (ср. *новый дом* и *новая жизнь*), от пространства, в котором объект нов (ср. *Это наш новый сотрудник* и *Перед страной стоят новые трудности*), и от времени, определяющего границы новизны (*Мысль, новая вчера, сегодня не нова*).

Таким образом, семантика новизны рождается на стыке трех параметров бытия. Однако они не равноправны. Первичным и

ведущим является темпоральное значение. Новое характеризует актуальное состояние мира. Оно определяет объекты по признаку времени их вхождения в бытие. Новым (в первом и основном значении этого слова) называют то, что вошло в существование в актуальном настоящем, недавнем прошлом или ожидается в перспективе будущего. Оно ориентировано на зону *Теперь*, тот момент, в котором находится следящий за состоянием мира наблюдатель. Это подтверждается этимологическими данными индоевропейских языков: греч. *νέος*, лат. *novus* восходят к индоевр. праформе *ne 'вот, здесь'. В этом смысле можно утверждать, что семантика новизны *экзистенциальна и прагматична*, то есть зависит от момента наблюдения, обычно совпадающего с моментом речи. Актуальное настоящее — это своего рода пропускной пункт бытия, поступающего из будущего и уходящего в прошлое. В нем одно «новое» сменяет другое «новое», которое перестает быть новым. Прагматическая зависимость нового отрывает признак новизны от предмета. Новизна составляет не только временную, но и временную характеристику объектов. Утрата новизны столь же неизбежна, сколь неизбежно течение времени. Она, однако, не предполагает с необходимостью исчезновения носителя новизны. Перестав быть новым, он может стать *вечным*. «Вечное» — основной контрагент нового и в то же время его преемник.

Наблюдатель сравнивает актуальное состояние мира с тем, которое ему предшествовало, и, замечая существующие между ними различия, констатирует факт новизны. Семантика новизны *компаративна и дифференциальна*. Этот последний признак непосредственно вытекает из темпорального значения новизны: время наблюдается лишь через те изменения, которые происходят в природе и жизни — физической, ментальной, социальной. Если в рамках циклической модели времени точное повторение события не мешало говорить о нем в терминах новизны (ср. *новая луна, новолуние*), то на фоне линейного времени следующее лишь тогда становится *новым*, когда оно отличается от предыдущего. Не говорят *Я купил новый батон хлеба, Я сделал новый шаг*. В таких случаях «история» заменяется арифметикой: *Я купил еще один батон*. Однако, если речь идет о шаге-поступке, не повторяющем в точности предыдущую попытку, высказывание *Я сделал новый шаг (к примирению)* вполне возможно. В предложении *Я бросил в автомат новую монету* прилагательное обычно понимается в качественном, а не количественном значении.

Итак, установление новизны есть итог наблюдений над модификациями, происходящими в разных сферах бытия. Новое

констатирует факт модификации, но его не описывает. Новое *не дескриптивно*. За ним не стоят конкретные признаки.

Новое устанавливается методом сравнения, определяющим различия в состояниях мира — внешнего или внутреннего. Наличие дифференциальных черт предполагает существование общих признаков. Различия не могут существовать без сходства. Сходство в случае новизны не метафорично. Задача сравнения, устанавливающего факт новизны, состоит в выявлении различий в пределах одного — широкого или узкого — класса. Новизана, таким образом, — и это составляет важное свойство данного концепта — устанавливается относительно уже категоризованного мира. Новое не первично. Оно имеет прецедент в прошлом. Семантика новизны *относительна*. Новое наводит на мысль о старом или прежнем. Покажем это на простом примере: «...вот и переехал к нам в мезонин *новый жилец*. — Стало быть, был и *старый жилец*? — заметил я мимоходом. — Уж конечно, был, — отвечала Неточка, — ...Это был старичок» (Достоевский).

Новое смотрит в будущее с оглядкой на прошлое. Оно не только вносит в мир нечто ему ранее неведомое, но и повторяет бывшее. Новое не бывает *абсолютно первым*. Оно скорее стремится занять позицию *последнего* в серии сменяющих друг друга состояний мира. Новая мода является в то же время *последней* модой, новая книга писателя может быть названа также его *последней* (на данный момент) книгой. Адам был *первым*, но не *новым* человеком, а Ева — *первой*, но не *новой* женщиной. Понятие *нового человека* появилось гораздо позднее, во времена раннего христианства. Оно возникало и в последующие периоды резких социальных и идеологических перемен. Достоевский, например, писал о «новом, еще неслыханном слое русской интеллигенции, уже понимающей народ и почву свою» [6, т. 25, 26]. Точно так же «новая женщина» была создана феминизмом, а не Творцом. Сколько бы ни говорили о совершенно новом, о принципиальной и кардинальной новизне, новое не утрачивает связи с уже существовавшим. Это становится очевидно тогда, когда речь идет об ограниченных сферах бытия. Тот, кто не писал книг раньше не может написать новой книги. Наречия *вновь* и *снова* указывают на повторность действия или события. Когда поэт говорит «Вновь я посетил сей уголок земли...», это значит, что он бывал в нем раньше.

Заметим попутно, что элемент *ново-* в составе многих сложных слов имеет чисто темпоральное значение и не относит к прецеденту; ср.: *новорожденный, новообращенный, новобрачный, новоиспеченный, новоявленный* и т. п. Элемент же *нео-* всегда относит к

прецеденту; ср.: *неореализм, неотомизм, неогегельянство, неокантианство, неоплатонизм* и др. Это согласуется с тем, что первый присоединяется к причастиям, второй — к названиям школ.

Тесная связь нового с таксономией объекта сказывается на синтаксической позиции прилагательного *новый*. Оно стремится занять место перед тем именем, которое указывает на категориальные признаки объекта. Естественней сказать «Это — наш новый ученик (сотрудник, преподаватель)», чем «Этот ученик (преподаватель, сотрудник) — новый».

Итак, новое предполагает наличие предыстории, соединяясь с которой, оно пишет новую главу, намечая линии развития. Оно выбирает предшественников и задает преемников. Новое завязывает связи. Вторгаясь в хаос событий, оно создает историю, будь то история мира, государства, отрасли знания или человеческой жизни. Семантика новизны *исторична*. Когда вновь открытый материк был назван *Новым светом*, стало возможно говорить о *Старом свете*. Старый свет — это прежде всего Европа, а не Африка или Австралия. Это та часть света, из которой пришли первопродцы и завоеватели. Новый свет выбрал себе предшественника. Так возникла преемственная связь между Европой и Америкой. Христианство, выросшее из иудаизма, в России пришло на смену язычеству, и именно ему был противопоставлен Новый завет. Новое представляет историю оптимистически, в развитии и движении вперед. В терминах новизны редко говорят о старении и упадке. Наступление старости не называют началом новой жизни. Эпоху застоя не называют новой эрой. Ею может стать сменяющийся депрессию период подъема. Таким образом, новое создает историю разных сущностей — предметных, событийных, эпистемических. Темпоральная организация квантов бытия необходимо дополняет их таксономию.

Подведем первые итоги. Концепт новизны обладает следующими признаками: универсальностью (в нем соединены темпоральный, онтологический и пространственный параметры мира), прагматической зависимостью, относительностью и компаративностью. Новизна дифференциальна, таксономически связана и исторична. Наконец, «новое» не дескриптивно. Этот последний признак приводит к специфике качественного значения «новизны».

Наличие в новом признаков, отличающих данное состояние мира или отдельного его объекта от ему предшествующего, порождает качественное значение новизны. Качественное значение, как отмечалось, не дескриптивно. За ним не стоят конкретные признаки. Однако, тогда, когда речь идет о новизне объектов —

природных или рукотворных, эти признаки могут быть без труда экстраполированы. Их подсказывает не только указание на начальную стадию природного цикла, но и таксономические характеристики объекта. Прилагательное *новый* прономинально.

Такие сочетания, как *новая луна*, *новые листочки*, *новая завязь*, вызывают представление о вполне определенных качествах. Качественное значение имен природных объектов. вводит прилагательное *новый* в синонимические отношения с такими прилагательными, как *молодой*, *свежий* (об овощах). Эти прилагательные также совмещают темпоральное значение с качественным. Дескриптивные признаки и в этом случае имеют своим источником свойства денотативных классов. В прилагательных этого типа темпоральное значение с трудом отделимо от характеризующего (качественного). Даже в таких сочетаниях, как *молодые* (о новобрачных) или *молодая пара* (в том же значении), сохраняется указание на возрастной признак, тогда как в слове *новобрачные* оно отодвигается в тень; *ново-* отсылает лишь ко времени заключения брачного союза.

Когда речь идет об артефактах, качественное значение *нового* легко отделяется от темпорального. Предмет, существующий давно, может сохранять свое прежнее качество: *Этот ковер был соткан сто лет назад, но он совсем новый*. Качественное значение компаративно. Когда о предмете, давно введенном в бытие, говорят, что он нов, его сравнивают с его первоначальным состоянием или состоянием аналогичных предметов и констатируют отсутствие качественных различий. В случае рассогласования темпорального и качественного значений высказывание исходит из presupposition отсутствия темпоральной новизны и утверждает отсутствие качественных изменений. Это особенно хорошо видно в тех случаях, когда имплицитная компаративность высказывания становится явной: *Этот костюм совсем как новый*.

Интересно отметить, что интенсификатор *совсем*, регулярно сопровождающий качественное значение, сигнализирует об отсутствии темпоральной новизны: *совсем новыми* обычно бывают как раз *совсем не новые* (в темпоральном смысле) предметы. *Совсем* в таких случаях — наследие эмфатического компаратива (*совсем как новый*).

Когда речь идет о человеке (шире — живых организмах), то о сохранении прежнего облика при отсутствии «темпоральной новизны» говорят в терминах молодости: *Ты совсем как молодой; Я знал ее возраст и был поражен: передо мной стояла совсем молодая женщина*. Сочетание *совсем молодая женщина* в приведенном контексте сообщает об *отсутствии* изменений. Сочетание же

совсем новая женщина, напротив, обычно сообщает о наличии существенных изменений: *Увидев ее, он был поражен: перед ним стояла совершенно новая женщина*. Предполагаемые изменения столь велики, что позволяют говорить также и о *совсем другой женщине*. Приведенное предложение не содержит скрытого компаратива. В нем «новизна» маркирует смену объекта.

Свойство *молодости*, если оно рассогласовано с возрастом, может относиться к внешнему виду, поведению и психическим свойствам (духу). Первый случай обычно не эксплицируется, остальные требуют уточнения: *Она ведет себя, как молодая; Ему под 50, но он молод духом*. Когда же речь идет о свойстве *новизны*, обычно имеются в виду изменения, происшедшие во внутреннем человеке. О них можно говорить и в терминах «другого», и в терминах «нового». Например: «Пред ним (Тоцким) сидела совершенно *другая женщина*, нисколько не похожая на ту, которую он знал доселе и оставил только в июле месяце в сельце Отрадном. Эта *новая женщина*, оказалось, во-первых, необыкновенно много знала и понимала...; во-вторых, это был совершенно не тот характер, как прежде... Нет. Тут хохотало перед ним и колело его ядовитейшими сарказмами необыкновенное и неожиданное существо» (Достоевский). Далее речь идет о *новой женщине* и даже о *новой Настасье Филипповне*. Произошла как бы смена объекта. То же может относиться и к смене социального образа человека; ср. о Ставрогине после высказывания о нем губернаторши: *Объявлялось лицо новое, в котором все ошиблись, лицо почти с идеальной строгостью понятий...* Он презирает обиду, потому что оскорбитель — бывший крепостной его человек... Тут главное состояло в том, что «*новый человек*», кроме того, что оказался «несомненным дворянином», был вдобавок и богатейшим землевладельцем губернии (Достоевский).

Прилагательное *другой* нарушает «связь времен». Его могут сопровождать как положительные, так и отрицательные коннотации. Прилагательное *новый* значит «не такой, как прежде». Оно не прерывает истории и обычно имеет положительные коннотации: «Мы любим и желаем новых женщин прежде всего в образе высокочеловечественном, а не в образе чего-то мечущегося и угорелого», — писал Достоевский, близко столкнувшийся с феминизмом [6, т. 24, 287].

Если прилагательное *новый* в его темпоральном значении тяготеет к атрибутивной (приименной) позиции, то, получая качественное значение, оно стремится перейти в позицию предиката; ср.: *Это новый дом* и *Этот дом новый; Этот дом совсем новый*;

Этот костюм еще совсем нов. Тогда, когда качественное значение не может реализоваться, *новый* редко употребляется без опоры на имя: **Этот муж у нее новый (нов)*; **Этот мой знакомый новый*. Правильно: *Это ее новый муж*; *Это мой новый знакомый*. Впрочем, допустимо: *У меня два друга. Один — новый, другой — старый*. Это объясняется тем, что контраст расширяет возможности употребления слов в позиции ремы (наблюдение Т. Е. Янко).

Хотя оба значения прилагательного *новый* — темпоральное и качественное — в принципе допускают градацию, его употребление в степенях сравнения имеет некоторую специфику. Темпоральное значение «новизны» избегает сравнения с временем появления других объектов. Не говорят **Эта модель намного (на два года) новее старой*; *Этот фасон нов*. **Он намного новее прошлогоднего (старого)*; *У нас два новых ученика: Коля и Вася*. **Вася намного новее Коли*. Однако, чтобы подчеркнуть новизну и привлекательность нового, говорят: *Это наша самая новая (самая что ни на есть новая, новейшая) модель. Более новой вы не сыщете*; ср.: «Я, может быть, совсем отсталый человек и ничего уж понимать не могу. ...Просветите новейшими началами» (Достоевский). Такие формы эмфатичны. Отвергая всех возможных соперников, они усиливают значение нового как последнего в серии; ср. *самая последняя мода*; *самый что ни на есть последний крик моды*. Очевидно, что понятия «последнего» и «первого», не допускают градаций. Это не позволяет им употребляться в сравнительной степени, но не исключает превосходной. Это же относится к прилагательному *новый*. Дескриминационное отношение к степеням сравнения отчасти объясняется тем, что сравнительная степень, в отличие от превосходной, не используется в атрибутивной позиции, а именно она, как отмечалось, характерна для прилагательного *новый*. Последнее, впрочем, иногда встречается в аналитической форме сравнительной степени, допускающей приименное употребление: *Я не располагаю более новыми сведениями*; *На данный момент нет более новых теорий происхождения жизни*.

Однако, в предложениях такого рода ни в коем случае не может быть введено указание на темпоральное различие (интервал) в возникновении объектов. Теория не может быть *на месяц более новой*, а информация *на час более новой*, сравнительно с той, которая ей предшествовала. Это отличает *новый* от близких к нему по значению прилагательных *молодой* и *старый*, для которых такое употребление в применении к одушевленным объектам, обладающим возрастным параметром, естественно; ср. *Петя на два года моложе (младше, старше) Вани*. Интересно отметить, что

формы степеней сравнения позволили отделить собственно темпоральное (точнее, возрастное) значение этих прилагательных от их характеризующего значения. Присутствие в русском языке прилагательных *младший* и *старший* возвращает к моделям родового и иерархического общества. Любопытно также и то, что естественно сказать *Он на два года старше*, но *Он на два года моложе меня*, пользуясь в первом случае сравнительной степенью прилагательного *старший*, а во втором случае — прилагательного *молодой*. Это можно объяснить тем, что *моложе* сохраняет положительные коннотации, которых нет у *старее*. Предложения *Ты младше меня* и *Ты моложе меня* различаются не только по смыслу, но и по оценочным коннотациям: тот, кто *младше*, находится в проигрышной позиции, а тот, кто *моложе*, — скорее, в выигрышной.

В целом можно констатировать, что темпоральное значение прилагательного *новый* избегает сравнительной степени, но употребительно в превосходной, подчеркивающей значение «последний в серии».

Обращение к степеням сравнения позволило уточнить темпоральное значение прилагательного *новый*. Будучи, как отмечалось, *историческим*, оно указывает только на *последовательность* фаз, а не на собственно временные отношения. Его матрица — числовой ряд. Новое устанавливает связь времен. Через него «прошлое страстно глядится в грядущее» (Блок). Оно может указывать на начальную или последнюю на данный момент времени фазу. Это сближает прилагательное *новый* с такими прилагательными, как *первый* или *последний* в зависимости от того, на какую модель времени опирается его употребление.

Когда речь идет о природе и, соответственно, циклическом времени, то *новое* может синонимизироваться с *первым*; ср. *новые листочки* и *первые листочки*; ср. также *новина* — так назывался первый плод в году, новый урожай, первое зерно. «Новое» в рамках циклического времени имеет в качестве прецедента аналогичные объекты предшествующего цикла, «первое» же ограничивает временные рамки данным периодом времени — обычно годом. О следующих за начальной фазах развития в терминах новизны не говорят. Не используется также отрицательная форма: *?Листочки уже не новые*. Когда листочки утрачивают свежесть, они становятся *старыми*, *жухнут* и *вянут*.

Иначе обстоит дело, когда за основу принимается модель бесконечного развития. В этом случае *новый* может синонимизироваться с *последним*, но никак не с *первым*. При этом каждое *следующее* «*по-след-нее*», пока оно не утрачивает связи с момен-

том Теперь, одновременно бывает и *новым*; ср. *последние сведения* и *новые сведения*, *последний этап* и *новый этап*, *последняя мода* и *новая мода*. Практически каждое «время» (кроме, разве, застойного) может быть названо «новыми временами», каждый фасон и стиль проходит через стадию новизны. В таком контексте и возникает нужда в превосходной степени прилагательного: *новейший* значит «самый последний». Нужда эта особенно настоятельна тогда, когда прилагательное *новый* не отпадает с течением времени, а входит в номинацию того или иного этапа развития. За периодом *новой истории* следует эпоха *новейшей истории*. Употребительна также уменьшительная форма *новенький*. Она подчеркивает привлекательность нового и может иметь как темпоральное, так и качественное значение; ср.: *Костюм совсем новенький (только что с иголочки)* и *Костюм совсем (как) новенький*. В применении к артефактам употребляется также форма *новехонький*: *Даже щегольская, новехонькая круглая шляпа* свидетельствовала об этой цели (Достоевский). Обе уменьшительные формы характеризуют артефакты. Любовь нового к эмфазе и аксиологическим нюансам связана с принадлежностью этого концепта к «магнетическим силам» языка.

Итак, в цикле *новое* связано с *первым*, а на линии — с *последним*. Иными словами, в рамках одного цикла *новое (молодое)* предшествует *старому*, а на линии следует за ним. В цикле *новое (молодое)* и *старое* образуют эквиполентную оппозицию. Их употребление взаимонезависимо. На линии *новое* маркировано, *старое* же отмечается тогда, когда появляется (или ожидается) *новое*. *Старое* образует синонимический ряд, из которого может быть сделан выбор (*старое, прежнее, древнее, бывшее, былое, минувшее, давнее, прошлое, предыдущее, предшествующее*). *Новое* лишено синонимов.

В цикле *старое* неизбежно следует за *молодым (новым)*. То и другое образуют периоды эволюции конкретных объектов. Старение наступает закономерно и постепенно. Оно неизбежно и предсказуемо. На линии *новое* часто появляется внезапно. Оно не эволюционно, а революционно. Чем неожиданней *новое*, тем оно новее. Для прилагательного *новый* характерны такие партнеры как *неожиданный, небывалый, исключительный, непривычный, необъяснимый, неведомый, странный, непредвиденный, внезапный, незнакомый, особенный, оригинальный*. О старении не гадают. На линии *новизна* составляет основной сюжет гаданий и пророчеств. Неожиданность *новизны* не означает ее беспричинности. Необъяснимое ждет объяснения. Оно бывает рациональным и мифическим.

Новое знаменует собой смену объекта — конкретного или отвлеченного (*новое поколение, новая концепция*). В применении к индивиду *стать новым* означает «резко измениться». Такое употребление близко к метафорическому (см. примеры выше). Однако, когда говорят об *обновлении* конкретных объектов, часто имеют в виду не движение вперед, а скорее возвращение назад, к прежнему состоянию, «молодости» (ср. *обновить одежду, квартиру*). Иными словами, речь идет о *возрождении* объекта, и это сближает линейно новое с циклически новым (ср. *обновиться* и *помолодеть, посвежеть*).

Жизнь человека представляется двояко: и как цикл, и как линия. В терминах цикла говорят о жизни физического человека, каждый период земного существования которого имеет особое наименование: *младенчество, детство, отрочество, юность, зрелость, старость*. В отличие от природных объектов, эти периоды не мыслятся как повторяющиеся соответствующие фазы в жизни отцов. Жизнь человека «беспрецедентна». Поэтому прилагательное *новый* не прилагается к начальному периоду его существования. Внутренний человек, однако, развивается, скорее, по модели линейного (хотя и конечного) времени. Каждый следующий период его жизни (пока она не пошла под уклон) даже тогда, когда он связан с возрастными переменами, может быть обозначен как *новый*: *Теперь я расскажу одно странное приключение... резким переломом начавшее во мне новый возраст* (Достоевский). Здесь речь идет не столько о закономерной смене возрастных фаз, сколько о смене фаз внутреннего развития. Когда резко меняются обстоятельства, также принято говорить о начале нового периода жизни, или *новой жизни*. Например: *И вот вечером я вошла в другую семью, в другой дом, к новым людям. <...> Теперь начинается новая история. Новая жизнь моя* пошла так безмятежно и тихо, как будто я поселилась среди затворников (Достоевский). Она (Соня) сообщала, что к *новой жизни* своей он (Раскольников) отнесся очень прямо и просто... и ничему почти не удивлялся среди *новой окружающей его обстановки*, так мало похожей на что-нибудь прежнее (Достоевский).

Молодой человек живет в ожидании перемен. Он не боится *переломить* жизнь: Главное, главное в том, что все теперь пойдет *по-новому, переломится надвое* (Достоевский). Когда речь идет о *переломе*, понятие *жизни* сближается с понятием *участи*. Князь Мышкин говорит: *Может, моя участь переломится*, но это все не то и не главное. Главное в том, что уже *переменилась вся моя жизнь*. ...Я, может быть, ничего не знаю, но наступила *новая*

жизнь (Достоевский); см. также пример выше. «Новизна» делает линию жизни ломаной. Чем острее угол слома, тем определеннее понятие членимой на периоды «линейной» жизни сменяется понятием целостной судьбы.

Вернемся к жизни. В жизни людей может быть разное количество *новых жизней*, в жизни разных государств и наций — разное число *новых эр, эпох и периодов*, в истории разных искусств — разное число *новых стилей*, в названиях которых нередко сохраняется указание на новизну (ср. модернизм и постмодернизм, art nouveau и новый роман). Прожить несколько жизней не значит жить долго; это значит сменить несколько *образов жизни* (обстановок, видов и целей деятельности), несколько раз *вступить в новую жизнь*. «Новое» часто ассоциируется с обновлением, возрождением, воскресением. Оно приходит на смену упадка. Дмитрий Карамазов говорит Алеше: «Брат, я в себе в эти два последние месяца *нового человека* ощутил, *воскрес во мне новый человек!*» (Достоевский); Тут уж непременно захочется и «спасти», и образумить и *воскресить*, и призвать к *более благодным* целям, и *возродить к новой жизни и деятельности* (Достоевский), ...Но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря *обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь* (Достоевский).

Мы остановились подробно на темпоральном аспекте понятия «нового» не потому только, что отнесенность к моменту Теперь занимает доминирующую позицию в семантике «новизны», но также потому, что отношение к времени формирует ту концептуальную (или когнитивную) матрицу, на фоне которой вырисовывается значение «новизны» и близкого ему крута слов. В ее основе лежит числовая последовательность, обнаруживающая принцип «исторического мышления». Темпоральный аспект значения объясняет также противоречивость употребления прилагательного *новый*, обусловленную отношением к разным моделям времени. О них см. [3; 2].

* * *

Пространственный аспект понятия нового менее плодотворен. Однако и он оказывает существенное воздействие на структуру концепта. Пространства «новизны» различаются прежде всего объемом. Новое определяется относительно того или иного поля наблюдения. Оно может быть приравнено к миру, вселенной, космосу, но оно может быть редуцировано к микромиру или его

ничтожной части; ср.: *В мире появилась новая звезда и В структуре молекулы была открыта новая элементарная частица*. Полем наблюдения может быть физический мир и мир ментальных (абстрактных и психологических) сущностей; ср. *новое платье, новые листочки, новое впечатление, новое чувство, новая мысль* и т. д. Различие в поле наблюдения (пространстве), как показывают приведенные примеры, имплицитно различия обитающих в нем объектов. Ими могут быть самые разные сущности: природные роды, артефакты, одушевленные предметы, абстрактные понятия, свойства и т. п. Важно лишь то, что новое входит в мир таксономически определяемых и поименованных объектов.

Основное влияние пространственно-предметного аспекта бытия на понятие новизны связано не столько с возможностью существования разных пространств и бытующих в них предметов, сколько с тем, что пространство, в отличие от времени, непосредственно воспринимаемо: конкретное пространство — зрением, абстрактное — мыслью, внутреннее — ощущениями. Восприятие предполагает существование субъекта восприятия. Если темпоральный аспект соотносит понятие новизны с моментом Теперь и придает концепту прагматическую зависимость, то пространственный аспект связал новизну с субъектом наблюдения и тем придавал ему субъективность. Новым оказывается не то (или не только то), что появилось (или существует) в том или другом пространстве, а то, что ново для данного субъекта, то, что было им замечено и отмечено, что вошло в поле его зрения. Следующий пример показывает, что сам факт включения объекта в кругозор позволяет говорить о нем в терминах новизны: *...я глядел ...на окрестные холмы, на реку, обтекавшую их и далеко, как только мог следить глаз, вьющуюся между новыми холмами и селами (Достоевский)*. Новое может маркировать и то пространство, в которое включается человек. Оно не всегда для него ново. Важен сам факт смены пространств. Приближаясь к русской границе, Курбский восклицает: *«Вот, вот она! ...Чужбины прах с презреньем отряхну с моих одежд — пью жадно воздух новый: он мне родной [10, т. 7, 520]»*.

Человек делает «открытия для себя». Он открывает новые земли, материки и звезды, новые законы, новые химические элементы и новые элементарные частицы. Особенно ценно открытие того «нового», что существует в мире от века и соответствует его прообразу.

В продолжение жизни, особенно в ее начальную пору, человек постоянно узнает что-то новое, начинает понимать что-то новое,

видит что-то новое, ощущает что-то новое, в нем совершается что-то новое, перед ним встают все новые проблемы, новые трудности, новые задачи и дела. Концепт новизны порожден освоением мира и освоением самого себя — внешней и внутренней «робинзонадой». Л. Толстой пишет, что отрочество началось у него с «нового взгляда» (так называется 3-я глава «Отрочества»), повернувшего все вещи другой, неизвестной еще стороной. Новое в себе предстало как новое вовне. О роли принципа «нового взгляда» в художественном методе Толстого см. [12, 182 и сл.].

Новое для данного субъекта не ново для других. Новое для ребенка старо для его родителей; новое для ученика давно накупило его учителям и наставникам. Новое есть неотъемлемая составляющая процесса познания жизни и мира. Новизна возникает вследствие изменения области бытия. Момент Теперь маркирует время включения объекта в ту или другую субъективную сферу. Иными словами, речь идет не столько о новизне объекта, сколько об обновлении того или другого пространства или вхождении в другую систему отношений. Например: «Этот *новый факт* (сообщение Груши о ее родстве с Ракитиным) оказался совершенной неожиданностью для всех» (Достоевский).

Субъективная новизна распространяется преимущественно на эпистемические, особенно информационные, объекты. Можно говорить о *новых сведениях, новой информации, новых данных, открытиях, проблемах и фактах*, даже если они касаются давнего прошлого. Но нельзя говорить в терминах новизны о *давних событиях и происшествиях*, даже если они недавно вошли в наше поле зрения. «Новизна» события ориентирована на то время, когда оно происходит, а «новизна» факта — на момент его вхождения в пространство субъективного знания; ср.: *Стали известны новые факты о событиях тех давних лет и Мы только, что узнали о новых событиях, происшедших этой ночью*. Событие принадлежит онтологическому, а факт — эпистемическому (информационному) пространству; о понятиях «факта» и «события» см. подробно: [1, 152–199]. Онтологическая новизна объективна, эпистемическая — субъективна. Она легко переходит из одного пространства в другое.

Что же касается психологического пространства, то новизна возникающих в нем эмоций, переживаний, ощущений и пр. оценивается по отношению к тому моменту, когда они происходят. Речь в этом случае идет о событиях, а не о фактах. Собственно эпистемическая сфера внутреннего человека отлична от психологической. Первая фактуальна, вторая событийна. Приведем несколько

примеров из текстов Достоевского, иллюстрирующих положение «нового» в психологическом пространстве: Он побледнел и как-будто прозрел во что-то новое в эту минуту; С ним совершалось что-то совершенно ему незнакомое, новое, внезапное, и никогда не бывалое; Он стал уставать от наплыва новых впечатлений, доселе ему неведомых. Одно новое, непреодолимое ощущение овладевало им все более и более почти с каждой минутой (Достоевский).

Когда речь идет об «эпистемических переживаниях», входящих в общий поток сознания, такие имена, как *вопрос, мысль, догадка, соображение* и т. п., получают событийное прочтение, и оценка по новизне ориентирована только на момент Теперь. Таков «новый взгляд» у Толстого (см. выше); ср. также следующий разговор Ставрогина с Кирилловым: «...и тут всегда какая-то новая мысль... „Один удар в висок и ничего не будет...“ — Вы называете, что это новая мысль? — проговорил Кириллов подумав. — Я не ...называю... Когда я подумал однажды, то почувствовал совсем новую мысль. — „Мысль почувствовали?“ — переговорил Кириллов. — Это хорошо. Есть много мыслей, которые всегда и которые вдруг станут новые. Это верно. Я много теперь в первый раз вижу» (Достоевский).

Из сказанного явствует, что когда в знании акцентируется информационный или чисто эпистемический аспект, его новизна в той или иной субъективной сфере совместима с давностью существования в «интернете», и факт новизны может отрицаться: *Твоя мысль не нова; То, что ты считаешь новым, давно известно*. Если же имеется в виду *зарождение* во внутреннем человеке *личностного знания (понимания), знания-переживания*, то его новизна оценивается только в рамках данного психологического пространства, и оно приравнивается к событию.

Что касается конкретных предметов, прежде всего, артефактов, то их новизна может определяться и появлением в мире и включением в частную сферу: *Это новый холодильник и Это наша новая мебель. Мы ее купили в антикварном магазине*. Оценка по новизне поэтому может оказаться амбивалентной. Высказывание *Это наш новый автомобиль* может относиться и к новой, и к недавно приобретенной машине, независимо от степени ее темпоральной новизны. Большой частью под *новыми* имеют в виду либо предметы, не бывшие в употреблении, заменяя темпоральное значение качественным, либо предметы, недавно приобретенные, заменяя время возникновения временем включения в личную сферу.

Остановимся теперь на другом вопросе, связанном с пространственным аспектом «новизны».

Входя в ту или другую область бытия, субъективную или объективную, «новое» может присоединяться к уже имеющимся однородным или изофункциональным объектам; ср.: *новый ученик, новый приятель, новый дом, новые поступления в библиотеку*. Новым может быть и то, что является последним в серии сменяющихся друг друга однородных предметов, явлений или событий; ср.: *новый муж, мой новый дом, новая должность*. О «серийном» значении прилагательного *старый* см. [11]. Это значение может основываться как на циклическом, так и на линейном представлении о времени; ср.: *новые листочки, новый урожай и новая квартира, новый костюм*. В первом случае качественные различия устанавливаются по отношению к поздним фазам существования объекта, к его «старости». Во втором они определяются относительно непосредственно предшествующего объекта.

Описанные две возможности, соединяясь, создают ситуацию соревнования или дискуссии, характерную для нового в идеологии, политике, культуре, науке и моде. Новые школы, течения, мысли, идеи, концепции, стили и т. п., сосуществуя в течение некоторого времени, стремятся вытеснить своих соперников из исторического сериала. Новое всегда готово к борьбе не только со старым, но и с другим новым. Спор между разными «новыми» ведется, однако, не в терминах новизны, а в терминах истины, удачи или «династических» преимуществ. Победа в конкурентной борьбе не всегда имеет рациональные основания. Капризность, присущая новизне, оборачивается историческими капризами.

Итак, обращение к пространственному аспекту значений «новизны» важно в следующих отношениях: 1) новизна характерна для всех типов пространств — онтологического (физического), психологического, эпистемического, информационного, событийного и др., 2) новизна субъективна, т. е. может определяться относительно момента вхождения в личную сферу, 3) новое может сосуществовать в одном пространстве со старым, 4) новое избегает сосуществования с другим новым тогда, когда через пространство новизны проходит линия исторического развития, 5) разная конфигурация пространства новизны позволяет отделить серийное («историческое») значение от собирательного (кумулятивного), значение типа «следующий» от значения типа «еще один».

Нам остается сказать несколько заключительных слов о тех категориях объектов, к которым применимо понятие новизны. Они, как отмечалось, соответствуют типам пространств. Новыми могут быть конкретные предметы — рукотворные (артефакты) и неру-

котворные (*новая рубашка, новый стол, новое дерево*), объекты эпистемической сферы (*новые сведения, новая мысль*), психологические объекты и состояния (*новое чувство, новое ощущение*), произведения, направления и феномены искусства (*новый роман, новый стиль*), периоды времени (*новый год, новая эпоха*), события, происходящие в мире (*новая мировая война*), его фрагменте (*новый акт террора*), социальной сфере (*новая конституция*), личной сфере (*новое замужество*), в зоне психики (*новое переживание*), в культурной жизни (*новый спектакль*), в разных сферах деятельности (*новое достижение, новое открытие*) и т. п. Все то, что развивается, образуя истории, все то, что входит в существование, все то, что повторяется, принимая другие облики, может квалифицироваться по новизне. Все же «новизна» не вполне универсальна.

Наибольшее ограничение на сочетаемость прилагательного *новый* налагают природные и, особенно, одушевленные объекты. С отходом от циклического представления о времени уменьшилось употребление сочетаний типа *новые овощи, новый картофель, новые цветочки и листочки*. О животных говорят в терминах новизны лишь тогда, когда они входят в то или иное пространство (*У нас теперь новая собака*). Новое в природе распространяется преимущественно на *сорта, породы, виды и роды: новый сорт картофеля, новая порода овец*.

В значении начального периода существования природных объектов (включая человека) используются особые слова: *молодой, юный, свежий* (об овощах). Отсылка к «новизне» сохранилась в слове *новорожденный (младенец)*, но его нельзя заменить словом *новый*. *Новый человек*, в сущности, миф или, по крайней мере, гипербола (см. об этом выше). В каких случаях все же о человеке говорят в терминах новизны? Основным условием для этого является включение человека в то или иное ограниченное (обычно социальное) пространство, сопровождающееся выделением в нем соответствующего аспекта; ср.: *У нас теперь новый профессор математики; На политической арене появилась новая фигура*. Человека же, только что получившего профессорское звание, *новым профессором* не назовут. Можно говорить о *новых друзьях, гостях, учениках, членах семьи, новых знакомых, новых покровителях, новых деятелях искусства, сослуживцах, лидерах, соседях* и т. п. Когда говорят «Я тут новый человек», опять же имеют в виду включение в некоторую сферу жизни, к которой еще не произошла адаптация. Здесь мы еще раз убеждаемся в том, сколь велика роль пространственных ограничений, релятивизирующих

понятие «нового», для его формирования и функционирования. Человек стремится замкнуть мир той или другой частной сферой, представленной не столько как физическое пространство, сколько как определенный «срез» жизни, характеризуемый специфическими видами деятельности, особыми целями и задачами, особыми системами отношений, и определять «новизну» человека через время его вхождения в такого рода «срезы». Итак, «новое» маркируется не столько «датой рождения», сколько временем вхождения в ту или иную частную область бытия — сферу жизни или ее «срез».

Можно встретить, однако, случаи расширения сферы «новизны» человека, причем индивида, до вселенной. Они редки и имеют своей целью подчеркнуть особую, вселенскую, значимость феномена рождения человека и особую значимость каждого *нового человека*. Приведем тому пример: — Тайна появления *нового существа*, великая тайна и необъяснимая... Было двое и вдруг третий человек, *новый дух*, цельный, законченный, как не бывает от рук человеческих, *новая мысль* и *новая любовь*, даже страшно... и нет ничего выше (Достоевский). Расширение пространства новизны повышает значимость нового.

* * *

Мы начали статью некоторыми наблюдениями над «действующими силами» языка. Мы хотим ее закончить возвращением к этой теме.

Выше говорилось о взаимодействии *нового, первого* и *последнего*. Теперь остановимся более подробно на диалектике отношений между этими понятиями.

Понятия нового и первого близки и различны. Их объединяет понятие начала; их различает характер начала: *первое* означает абсолютное (в рамках заданного периода времени) начало, *новое* — относительное. Его позиция срединна и подвижна. Позиция первого фиксирована и лишена левого фланга. Первое начинает с нуля. Оно неповторимо. Уходя в прошлое, оно остается первым и единственным, поскольку неповторимо его место в числовом ряду. Новое повторяется, хотя всякий раз под другой личиной. Первая любовь одна, и она *уникальна* (ср. лат. *unus* «один»), новых может быть несколько. Первое всегда остается первым, новое на то и новое, чтобы перестать им быть. Первое маркирует вехи на жизненном пути: *первые шаги, первый класс, первый звонок, первый*

урок, первый экзамен, первая встреча, первый взгляд, первая любовь, первый поцелуй, первое чувство, первое разочарование и т. п. Обычно именно таков круг непосредственных ассоциаций, вызываемых словом *первый*. Первое связано с временем исторически, новое — также и прагматически. Первое начинает историю, новое — ее продолжает. Первое может обойтись без нового: оно останется тогда первым и последним; новое не может обойтись без первого. Это очень хорошо понимают носители языка. А. Эткинд пишет: «В декабре 1933 г. Е. С. Булгакова отмечает в дневнике официальное сообщение о прибытии в Москву „нового американского посла“. ...В характеристике события Елена Сергеевна немало ошиблась: посол был первым, и о нем нельзя было сказать, что он „новый“» (А. Эткинд).

Однако и первое со своей стороны зависит от нового (последующего). Однолюб не станет говорить о первой любви. О первой жене говорят тогда, когда на ней не остановилась брачная жизнь. Первое, как и новое, стремится создать серию. Оно имеет прочное место в истории, тогда как место нового сомнительно. За первое идет борьба. Переставая быть новым, «новое» стремится стать первым или вечным. На вопрос о новом часто отвечают в терминах первого: *Что нового* содержит в себе данная концепция? — *В ней впервые* показано..., *в первый раз* установлено..., *впервые в истории* раскрыто (продемонстрировано)... и т. д. Продолжение выдает себя за начало, новое — за первое, новатор — за первопроходца или основоположника. Это можно понять. Первое содержательно богаче и необычнее нового, в котором отнюдь не все ново. Первое — это рождение, новое может быть лишь возрождением. В спорте рекорд регулярно представляет новое как первое. Установить *новый рекорд* значит завоевать *первенство*, стать *лидером*, быть *впереди других*, быть *первым*. Рекорд попадает в Книгу Гиннеса на правах первого. Вместе с тем рекорд — это *последнее* достижение, а установивший *последний* рекорд может быть назван *первым*, но не *последним* человеком в своей области. Сказать *последнее слово* в науке или технике значит сказать в ней *новое слово*, сделать что-либо *впервые* и быть в ней *первым*.

Место последнего в серии подвижно. Его релятивизирует непрерывность течения событий. Одно *последнее* *следует* за другим *последним*. Но и первое не всегда абсолютно. Его дестабилизирует членение времени на периоды. Первым может считаться не абсолютное начало, а начало в пределах цикла или ного отрезка времени; ср.: *первый день нового года, первый снег, первый спек-*

такль сезона и др. Транзиторность ставит *первое* и *последнее* в один ряд с *новым*. Новое — это одновременно и *последний крик* времени и *первый лепет* нового его периода. *Первое, новое и последнее* приходят из грядущего и, вместе с тем, хронологически они развернуты в его сторону.

Магнетизм новизны совместим с ее временностью. Обаяние новизны в новизне. Притягательность первого и последнего может состоять не только в новизне. Их значимость возрастает, когда первое изначально, а последнее окончательно. Тогда они не только новы, но и единственны. Единственность абсолютизирует и индивидуализирует понятия. Новое также хочет быть единственным. Для этого оно должно оставить за собой *последнее* слово. Следующий пример показывает возможное концептуальное развитие «нового»: «...слова его... или *старая, бряхлая дребедень..* или совершенно *новое слово, последнее слово, единственное слово обновления и воскресения* (Достоевский). Заняв место в историческом сериале, новое стремится обрести свойство вечности. Для этого ему нужно обратить в свою пользу сравнение с *пред-новым, со-новым* и *пост-новым*.

Пока новое остается новым, оно предполагает продолжение сериала. Став последним и единственным, оно его закрывает. Человеческое мышление, особенно в сфере религии, идеологии и социологии, эсхатологично. Оно в большинстве случаев стремится к созданию завершенных моделей, подражая в этом природным циклам. Новое линейного времени, напротив, предполагает незавершенность. Оно зовет к продолжению. Любовь к новизне свидетельствует не только об ускорении темпа жизни, но и о возрастании роли нетерминального мышления, об интересе к построению открытых моделей, допускающих лакуны, неопределенность и противоречия. Эта тенденция очень заметна в сфере искусства. Незавершенность формы и неокончателность решений постепенно вошли в его эстетическую программу. Финал утратил былую значимость. Конец перестал быть венцом. Но это уже совсем другая тема.

Итак, *новое, первое* и *последнее* теснейшим образом связаны между собой. Любопытно отметить, что в «Русском ассоциативном словаре» ни в одной части статьи «новый» («от стимула к реакции» и «от реакции к стимулу») не фигурирует ни слово *первый*, ни слово *последний* [7, т. 1, 94; 7, т. 2, 193–194]. Отсылка к *последнему* есть в статье *новейший* [7, т. 1, 93]. В статье же «первый» есть отсылка к *последнему*, но не к *новому*. Между тем ассоциации *нового* и *первого* достаточно очевидны. Они особенно велики в рамках циклического представления о времени; ср.: *Новая*

новинка, первая пераинка; первопахня и новопашка (см. также другие примеры выше). В Ассоциативном словаре *новое* и *первое* объединены только общностью положительной оценки. Она действительно достаточно стойка у этих понятий. Оба они принадлежат к числу «действующих сил» языка. Любопытно, что образование с элементами *перво-* и *ново-* обладают почти одинаковой степенью продуктивности. В Словаре Даля отмечено 150 слов с *ново-* и 157 — с *перво-*. При этом элемент *перво-* иногда вводится в слово с целью эмпазы: *первое* выдвигает на *первый* план; ср.: *первоначальный, первооснователь, первооткрыватель, первоушное дело* [5, т. 3, 30–32].

Оба понятия — «новое» и «первое» — заключают в себе ценностный потенциал и входят в телеологическое поле человека: «новое» и «первое» составляют важные характеристики целей человеческой активности. Они пробуждают в человеке стремление к творчеству. Сделать *первым* что-нибудь *новое* или *первое*, доселе не бывшее — нет более привлекательной цели для творца.

Ценностный потенциал *последнего* неоднозначен. С этим понятием связаны как положительные, так и отрицательные коннотации; ср.: *прийти к финишу последним, быть последним человеком, ругаться последними словами и последний крик моды, самые последние, самые свежие новости, последняя модель, самая последняя новинка*. Когда движение времени (шире — порядок, строй) представляется как направленное из прошлого в будущее, *быть последним* значит «отставать от времени, уступать первым, не соответствовать образцовой модели». «Последний» в этом случае получает отрицательные коннотации. Если же движение идет из будущего в прошлое, то *быть последним* значит в наибольшей степени соответствовать моменту Теперь, быть новым. «Последний» в этом случае получает положительные коннотации. Первая модель предполагает активность «движущегося объекта», вторая — его пассивность: его несет поток времени. Отрицательные коннотации «последнего», по-видимому, сильнее положительных, поскольку они связаны с более современными представлениями о времени. Взятое изолированно, слово *последний* не рождает положительных коннотаций. Оно не может их получать в сочетании с именами лиц, ибо строй людей устремлен из прошлого в будущее. Многие хотят быть *первыми* и *новыми*, но никто не хочет быть *последним*. Вопрос «Кто последний (в очереди)?» часто обижает. Положительные коннотации возникают при отрицании: *Он здесь не последний человек*. Слово *последний* может быть, поэтому, отнесено к «движущим силам» языка лишь в отрицательном смысле.

Итак, творческие усилия человека устремлены к «первому» и «новому».

Раскрывая замысел романа «Иосиф и его братья», Т. Манн писал: «Я рассказывал о *начале всех начал*, о времени, когда все, что ни происходило, происходило *впервые*. В том-то и заключалась прелесть *новизны*, по-своему забавлявшая меня необычность этой сюжетной задачи, что все происходило *впервые*, что на каждом шагу приходилось иметь дело с каким-нибудь *возникновением* — *возникновением* любви, зависти, ненависти, убийства и многого другого. Но эта всеобъемлющая *первичность* и *небывалость* является в то же время повторением, отражением, воспроизведением образа» (Т. Манн. *Художник и общество*. М., 1986, с. 123–124; курсив наш. — Н. А.). Т. Манн стремился проникнуть в тайну рождения индивидуального сознания. В этом смысле он как бы обращался к *первому* человеку. Его цель как писателя состояла в том, чтобы найти для этого художественные средства. В этом смысле его задача была *новой*. Его предмет — *первое* в контексте жизни, его цель — *новое* в контексте литературы.

Писатели любят обращаться к детству и юности, столь богатым «*первым*» и «*новым*»: первыми и новыми впечатлениями, ощущениями, чувствами, переживаниями, первыми и новыми радостями, горестями, надеждами и разочарованиями, трудностями и приключениями, первой дружбой и первой враждой, первыми мыслями, идеями, целями и планами. У Пушкина есть следующая запись: «Первый несчастный воздыхатель возбуждает чувствительность женщины, прочие или едва замечены или служат лишь ...Так в начале сражения первый раненый производит болезненное впечатление и истощает сострадание наше» [9, т. 7, 520]. Хотя *первое* не есть *новое*, то, что за ним следует часто воспринимается как *уже не новое*. Событийно *новое* оказывается *психологически не новым*. *Новое событие не рождает нового переживания*.

Маркированность первого и нового подтверждается их ролью в художественном творчестве. Не случайно слова *первый* и *новый* входят в названия многих художественных произведений; ср. «Первая любовь» Тургенева, «Первые радости» К. Федина, «Первый дебют» и «Первый любовник» Чехова, «Первые сказки» и «Первые слезы» А. Ремизова, «Первый класс» И. Бунина, «Первый соловей» и «Первый утренник» — стихотворения Бунина, «Первый снег» и «Первое свидание» — стихотворения в прозе Тургенева, «Первая борода» и «Первый ландыш» — сти-

хотворения Фета, «Первая звездочка», «Первые встречи», «Первый меридиан», «Первый привет», «Первый снег» — стихотворения В. Брюсова, «Первый снег» Б. Пастернака, «Первая смерть» В. Шаламова, «Первый учитель» Ч. Айтматова, ср. также названия кинофильмов «Они были первыми», «Первая перчатка» и др. Интерес к первому побуждает писателей выбирать молодых, а не пожилых героев, причем далеко не всегда их жизнеописание доводится до его логического конца.

Названий, построенных на «новизне», по-видимому, меньше: «Новая жизнь» Данте, «Новая Элоиза» Руссо, «Новь» Тургенева, «Новый год», «Новая дорога», «Новый храм» — стихотворения И. Бунина, «Новый год» В. Ходасевича, «Новая Америка» А. Блока, «Новая сестра» и «Новый синтаксис» Брюсова, «Новая московская философия» В. Пьепуха, «Новые времена» — фильм Ч. Чаплина.

Очевидно, что «новые опыты» в сфере переживаний не столь выразительны, как первые. Зато к новизне и вместе с тем преемственности апеллируют многие названия теоретических сочинений; ср.: «Новая Атлантида» и «Новый органон» Бэкона, «Новые опыты о человеческом разуме» Лейбница, «Новое учение о языке» Н. Я. Марра, вспомним серию «Новое в лингвистике» и др.

«Последнее», как говорилось, само по себе лишено позитивных коннотаций. Но оно значимо тогда, когда является заключением, выводом, итогом. Оно также сильно и печально отмечено, когда речь идет о человеческой жизни и истории, выстроенных в хронологическом порядке; ср. *первое слово* и *последнее слово*, *первая любовь* и *последняя любовь*, *первое сражение* и *последнее сражение*, *первый взгляд* и *последний взгляд* и т. п. Не случайно «последние слова» (слова, сказанные перед смертью) собираются в словари. В речевых актах первое, как и новое, ассоциируется с удивлением, а последнее с угрозой; ср. *Первый раз слышу. Вот это новость!* и *Это мое тебе последнее предупреждение.*

Для художника «последнее» не менее, если не более, притягательно, чем «первое». Ср.: «Последний из могикиан» Ф. Купера, «Последний день приговоренного к смерти» В. Гюго и его же книга стихов «Последний сон», «Последний дюйм» Дж. Олдриджа, «Последний лист» О. Генри, «Последний Новик» И. Лажечникова, «Последняя жертва» А. Островского, «Последние» М. Горького, «Последнее свидание», «Последний колдун» — стихотворения в прозе Тургенева, «Последний поэт», «Последняя

смерть» Баратынского, «Последняя песня» Фета, «Последнее воспоминание» и «Последние сирени» И. Анненского, «Последнее напутствие», «Последний день», «Последний путь» Блока, «Последний гимн» Ходасевича, «Последнее желание», «Последнее счастье», «Последние думы», «Последние слова» «Последний пир», «Последний день», «Последний путь», «Последний спор», «Последняя война» Брюсова, «Последняя весна», «Последняя осень», «Последнее свидание», «Последний день» — новеллы И. Бунина, «Последние слезы», «Последний шмель», «Последняя гроза» — стихотворения Бунина, «Последний день последнего императора» — пьеса Э. Радзинского, «Последняя весна» — картина М. П. Клодта, «Последний день Помпеи» — полотно К. Брюллова и т. д.

Очевидно, что всякое последнее есть в то же время и новое. Всякое новое свидание может стать последним свиданием, всякий новый день — последним днем, и это придаст ему особый смысл. Итак, первое вуалирует «новизну», а последнее ее увеличивает. Или иначе: первое ущемляет значимость следующего, последнее ее обостряет и углубляет. Вместе с тем новое может таить в себе первое. Когда говорят о *новых впечатлениях (наблюдениях, ощущениях, стремлениях, увлечениях)*, речь идет о *новом* в пределах широкого класса, но о *первом* в рамках более узкого разряда. Итак, *новое* терпит ущерб от *первого* и поэтому хочет занять его место. Оно открывает возможность для продолжения, но чтобы обрести вечность и единственность, должно стать *последним*. Такова диалектика жизни и языка.

* * *

В заключение остановимся на аксиологических коннотациях слов *первый* и *последний*.

Числовой ряд является важнейшей когнитивной матрицей, регулирующей жизнь человека и ту систему ценностей, которая ее организует. Обратимся к известному примеру из «Полтавы» Пушкина. Орлик говорит Кочубею: ...Я указую тебе последний долг: открой, где клады, скрытые тобой? Кочубей ему отвечает: Так, не ошиблись вы: *три клада* В сей жизни были мне отрада. И *первый клад* мой честь была, Клад этот пытка отняла; *Другой был клад* невозвратимый Честь дочери моей любимой. Я день и ночь над ним дрожал: Мазепа этот клад украл. Но сохранил я *клад*

последний. Мой *третий клад*: святая месть. Ее готовлюсь Богу снести [10, т. 4, 278].

Натуральный ряд чисел лежит в основе шкалы приоритетов, объединяющей материальные и духовные блага, социальный престиж и другие ценности; ср.: *Первая честь, второй барыш* (пример из Словаря Даля). Человек руководствуется шкалой приоритетов при выборе жизненных целей; с ней согласует он дела, которые следует осуществить *в первую голову* и те, которые можно отложить *на последок*; по ней ранжируются роли, выполняемые людьми в том или другом социуме; наконец, по ней оценивается сам человек в зависимости от выполняемой им функции; ср.: *Петр — первый мужик на селе (первый парень на деревне) и Петр — последний на селе мужичонка*. Например: Поставьте какую-нибудь самую последнюю ничтожность у продажи каких-нибудь дрянных билетов на железную дорогу, и эта ничтожность тотчас же сочтет себя вправе смотреть на вас Юпитером (Достоевский).

А. Б. Пеньковский назвал такого рода оценку тимнологической (от греч. τὸ τιμώτατον 'самое важное, ценное, значительное') [9]. Росту отмечаемых на шкале количеств соответствует умаление значимости. Чем больше цифра, тем меньшую ценность она маркирует: быть на первых ролях значит быть важнее того, кто выполняет вторые, третьи и десятые роли, а играть последнюю роль значит быть последним человеком в театре или социуме. С последними не считаются, но до их номера нужно досчитаться. Не случайно, заканчивая перечень, англичане предупреждают: *Last, but not least*.

Цифровой показатель, таким образом, обратен маркеру значимости. Шкала оценки основана на темпоральной модели Традиционного пути, в которой наибольший рейтинг получают предки, предшественники, первенцы, основоположники, старейшины и сенаторы. Они возглавляют шествие, движущееся из будущего в прошлое. За ними идут потомки, эпигоны и подражатели [2]. Исключение составляет отнесение слова *последний* в «эсхатологическую» перспективу; ср.: *последние вопросы*, т. е. вопросы, касающиеся *последней истины* — природы мира и бытия Божия.

Тимнологической оценке сопутствуют другие виды оценки — оценка по качеству (*первый сорт, второй класс*) и этическая оценка. *Десятое* (по важности) дело становится *последним* делом на шкале этических показателей; ср. *Воровство — последнее ремесло; Заниматься воровством — последнее дело*. Переход от тимнологической оценки к этической может вызвать инверсию ценностей. На эсхатологическом пиру последние займут первые места, а первые станут последними.

Порядковое числительное *первый* переходит в разряд прилагательных градуированной семантики и развивает форму превосходной степени — *первейший*: Этот мир должен был открыться передо мною, и притом с самой наилучшей стороны — на вечеринке должны были быть *первейшие* представители литературы, *весь ее цвет* (М. Булгаков).

Ценностные коннотации вводят *первый* и *последний* в контакт с оценочными именами: *первый* — с именами положительной оценки (*первая красавица, первый смельчак*), *последний* — с именами отрицательной оценки (*последняя уродина, последний трус*). Например: Гетман сегодня позорно бросил нас всех, бежал! Бежал, как *последняя каналья и трус!* (М. Булгаков).

Последний (в оценочном значении) не сочетается с именами положительной оценки: **последняя красавица, *последний смельчак*. Можно было бы ожидать, что *первый* имеет запрет на сочетаемость с именами отрицательной оценки. Однако это верно не для всех контекстов. Есть случаи, когда *последний* не соединяется с именами отрицательной оценки, и как раз в этих контекстах его место занимает *первый*. Так, едва ли можно сказать *Петя последний лентяй среди лентяев* или *Из всех трусов (мошенников, воров) он последний трус (мошенник, вор)*. В таких случаях предпочтение отдается прилагательному *первый*: *Петя первый лентяй из всех лентяев; В нашем классе все бездельники, но Петя среди них первый*. Тем самым *первый* и *последний* четко противопоставлены в сочетании с именами нейтральной семантики (ср. *первый ученик и последний ученик*), но их оппозиция ослаблена в положении перед именами отрицательной оценки. Между тем прилагательное *последний* ни при каких условиях не может входить в позитивные контексты.

Чем можно объяснить асимметрию в употреблении этих прилагательных?

Напомним, что *первый* и *последний* отсылают соответственно к началу или концу оценочной шкалы. Оценка предваряется сравнением объектов, образующих некоторое множество. В результате сравнения объекты ранжируются. Матрицей шкалы оценок служит числовой ряд, на котором крайние позиции занимают объекты, получившие высокую положительную и отрицательную оценку. *Первый* и *последний*, подобно превосходной степени прилагательных, являются полярными терминами [13, 72–78; 1, 251 и сл.] и в то же время допускают движение к пределу, сочетаясь с местоименным прилагательным *самый* (*самый последний негодяй*), а

первый, как упоминалось, имеет еще и форму превосходной степени — *первейший*.

Итак, *первый* и *последний* (в оценочном значении) выделяют объект из некоторого множества. Это подтверждается характерными для них контекстами; ср. *Петя в этой группе первый умница; Маша была в нашем городе первая красавица*. Предложения типа *Маша — первая умница* и *Вася — последний трус* ущербны, хотя и допустимы. Признак отношения к множеству очень важен при градуировании и усилении признаков. Так, сравнительная степень замыкает множество двумя объектами. Двучленное множество специфично. В нем не бывает «самых». Оно исключает поляризацию. В нем нет *первого* и *последнего* (если оставить в стороне анафорическое употребление этих слов). Быть красивее своей соперницы не значит быть *первой красавицей*. Второго (из двух) можно назвать *другим*, но не *последним*. Сравнительная степень не стремится к контрасту. Из двучленного множества можно выбирать, но не выделять. Превосходная степень предполагает более чем двучленное множество. В его рамках возможен контраст и выделение. Интенсифицирующие наречия градуируют признак безотносительно к какому-либо множеству; ср. некорректность предложений типа *Петя в этой группе очень (чрезвычайно) резвый ребенок* или *Вася среди нас большой лентяй*. В высказывании *Петя у нас большой умница* локализатор *у нас* не относит к множеству, а служит включению в сферу говорящего (ср. вопросы типа *Ну, какое у нас сегодня настроение?*). Фактор множества, таким образом, не безразличен для градуирования и поляризации значений.

Ниже будет показано, что асимметрия в употреблении прилагательных *первый* и *последний* связана именно с отношением к объему и составу того множества, из которого выделяется оцениваемый объект.

В предложениях типа *Петя в нашем классе первый (последний) ученик* речь идет об определении места данного ученика на общей шкале, охватывающей всех учеников класса — хороших и плохих. Они выстраиваются от плюсового полюса до минусового, от первого до последнего. Места на шкале соответствуют балансу плюсов и минусов и расположены в направлении убывания позитивных качеств и возрастания негативных. То же касается сочетаний прилагательного *последний* с именами отрицательной оценки. Можно сказать «Петя в нашем классе последний лентяй». Однако из этого предложения не следует,

что в классе нет прилежных учеников. Из предложения «Да он в нашем полку последний трус» не вытекает, что все прочие однопольчане трусы. Оцениваемый объект выделяется из числа всех прочих объектов, образующих множество. Прилагательное *последний* помещает объект на крайнем правом фланге аксиологической шкалы, и само получает сильные отрицательные коннотации. Оно, поэтому, может употребляться без явной отсылки к множеству, указывая на признак, устремленный к отрицательному пределу: *К кому вы обращаетесь? Это же последний негодяй.*

Последний негодяй, однако, может стать *первым негодяем*. Для этого необходимо провести конкурс негодяев. Тот, кто завоюет в таком конкурсе пальму первенства, станет из *последнего негодяя* (*вора или мошенника*) *первым негодяем* (*вором или мошенником*). Сочетаемость слова *первый* с оценочными именами, в том числе с именами отрицательной оценки, основана на конкурсном принципе. Конкурсу предшествует отсев. В нем принимают участие лишь носители высокой степени искомого свойства. Множество редуцируется. В конкурсе красоты участвуют лишь писанные красавицы. К конкурсу поэтов не допускаются рифмоплеты. Единая аксиологическая шкала распадается на позитивную и негативную части. Позитивная часть сохраняет прежний порядок и прежнюю направленность, а негативная инвертируется: последние (наихудшие) переходят в ее начало и становятся первыми.

Задача любого конкурса определить первых — лауреатов. Им предназначаются первые места. Победители помещаются на крайнем левом фланге, общем для единой шкалы и для шкалы, специально предназначенной для конкурсантов. Первая красавица в любом случае является красавицей номер один. *Первый* может относиться и к множеству всех объектов, и к множеству, ограниченному только носителями высокой степени позитивного признака; ср. *Маша в нашем классе первая красавица* и *Среди всех красотонок она первая.*

Иначе обстоит дело с конкурсом антигероев. По результатам такого конкурса победитель переходит с правого фланга единой оценочной шкалы на левый край шкалы антигероев. Так, в конкурсе воров первое место может занять тот, кого общество предпочло бы назвать не *первым*, а *последним вором*. Теперь же он может получить статус главного воровского авторитета или вора в законе. О нем будут говорить не с презрением, а с почтением. Конкурс заменяет этическую оценку профессиональной, взгляд

со стороны — взглядом изнутри. Стражи порядка склонны принимать взгляд изнутри и говорить на языке своих контрагентов. Сила и природа власти обнаруживает себя в языке. Власть либо заставляет подданных принять свой язык, либо сама усваивает язык определенных слоев общества.

Итак, *последний* в таких сочетаниях, как *последний вор* (*трус*, *враль*, *лентяй* и т.п.) выражает общую отрицательную оценку, ориентированную на некоторое множество объектов, оцениваемых позитивно и негативно. *Последний вор* противостоит не *первому вору*, а *честному человеку*, *последний дурак* — не *первому дураку*, а *умнице*. *Первый* в сочетании с именами отрицательной оценки маркирует левую позицию на шкале антигероев. Крайняя правая позиция на этой шкале не отмечается словом *последний*. Конкурс (и героев и антигероев) не позорит проигравших. Хотя все конкурсные места от первого до последнего нумеруются, цель конкурса, однако, состоит в том, чтобы определить победителей и чемпионов. Поэтому ту, которая заняла *последнее место* на конкурсе красоты, не называют *последней красавицей* и даже потерпевший неудачу на конкурсе воров не становится от этого *последним вором*. Противопоставление *первого* и *последнего* на конкурсной основе логически вполне возможно, но прагматика ограничивает эту оппозицию характеристикой конкурсных мест, не распространяя ее на занявших их лиц. Этому способствует и то обстоятельство, что конкурсных мест обычно бывает гораздо меньше, чем участников конкурса, и занять последнее место в этом случае не значит потерпеть неудачу: места распределяются между победителями.

Итак, различия между сочетаниями типа *первый лентяй* и *последний лентяй* определяются объемом и характером того множества, на фоне которого производится оценка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. Д. Арутюнова. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт., М., 1988.
2. Н. Д. Арутюнова. Время: модели и метафоры // Наст. сб., с. 51–61.
3. Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
4. Б. Гройс. О новом // Утопия и обмен. М., 1993.
5. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978–1980, т. 1–4.

6. Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л., 1972–1990.
7. Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. Русский ассоциативный словарь. М., 1994, кн. 1–2.
8. М. А. Кронгауз. Время как семантическая характеристика имени // Семиотические исследования. М., 1989 (Вопросы кибернетики, вып. 159).
9. А. Б. Пенъковский. Тимиологические оценки и их выражение в целях уклоняющегося от истины умаления значимости // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995.
10. А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. М., 1949.
11. Е. В. Рахилина. О старом // Наст. сб., с. 200–216.
12. А. А. Реформатский. Лингвистика и поэтика. М., 1987.
13. Э. Сэпир. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985, вып. XVI.

Е. В. Рахилина

О СТАРОМ: АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕДМЕТНЫХ ИМЕН

Как я люблю имена и знамена,
Волосы и голоса,
Старые вина и старые троны...

М. Цветаева

1. Вид как внутреннее время

Известно, что в языке не только глаголы, но и имена могут быть охарактеризованы по времени. Действительно, если грамматическое время глагола соотносит момент совершения действия с моментом речи (раньше, позже, одновременно), то совершенно так же могут быть охарактеризованы и некоторые имена, в том числе предметные, и среди них в первую очередь имена лиц. Этот эффект подробно описан в целом ряде исследований (ср., например: [13]; на русском материале: [6; 12; 4, 375]), где имена (по большей части — имена лиц) рассматриваются в контексте прилагательных *бывший*, *будущий* и под. Во всех этих работах речь идет о том, что сочетания типа *бывший чемпион* интерпретируются совершенно аналогично формам глаголов прошедшего времени: «время жизни» признака, который лежит в основе номинации соответствующего объекта, соотносится с моментом речи.

Между тем события и описывающие их глаголы имеют еще и так называемые «внутренние» временные характеристики, встроенные в значение лексемы. Их вполне можно назвать видовыми, так как именно благодаря виду ситуация оказывается как бы распределена во времени: она может быть сжата, растянута, повторена и т. д. Известной задачей в области семантики в связи с этим является построение классификации предикатов, которая бы отражала специфические различия между ситуациями, а именно: какого рода ситуацию описывает данный глагол — «склонную», подлежащую сжатию (или, например, повторению) или наборот,

---

Данная работа выполнена при поддержке фонда Research Support Scheme of the Open Society Institute (грант № 49/94) Автор признателен Н. Д. Арутюновой, Т. В. Вулыгиной, Л. И. Куликову, Б. Парти, В. А. Плугиняку, М. В. Флиппенко, А. Д. Шылеву и Т. Е. Янко за советы и замечания.

не допускающую этой и подобной ей операций: ср. в этой связи прежде всего пионерскую работу З. Вендлера [17], а на материале русского языка — [3]; из последних работ ср. [7], а также (в типологическом контексте) [8].

То, что аспектуальные характеристики присущи производным от глагола именам, можно, ссылаясь на пары типа *спаситель* — *спасатель*, считать общепризнанным (некоторые тонкие наблюдения на этот счет содержатся в работах Е. Я. Шмелевой, см. прежде всего [11]). Однако остается открытым вопрос, можно ли обнаружить коррелят глагольного вида (или — «внутреннего времени») в собственно предметной лексике и, опираясь на эти аспектуальные характеристики, построить ее классификацию. В связи с этой задачей рассматриваются употребления имен в атрибутивной конструкции с прилагательным *старый*¹.

Оговорим сразу, что предикатные употребления слова *старый* мы сознательно исключаем. Дело в том, что предикатные употребления вообще имеют особую семантику и, в отличие от атрибутивных, они не предполагают семантического согласования с именем, а как бы навязывают имени определенный признак. Это обстоятельство не раз отмечалось в литературе (ср. также ниже, раздел 5, Замечание); интересно, что в работах, написанных в рамках грамматики Монтегю, предлагается трактовка предикатного употребления как «экстенционального», а атрибутивного — как «интенционального» (см., в частности: [14, 10–11]; ср. также: [16, 7]).

2. Старые вещи

Для удобства изложения мы начнем с того материала, который касается неодушевленных объектов, и будем говорить преимущественно о «старых вещах», а не о «старых людях».

Среди контекстов употребления прилагательного *старый* с неодушевленными предметными именами можно выделить четыре интерпретации, которые, впрочем, часто сосуществуют, т. е. оказываются верны для одного и того же словосочетания.

Первая интерпретация: тип *старый лес*.

‘Давно возникший и существующий объект’.

Другие характерные примеры: *старый дуб, слон, гриб, мозоль* и т. п. Частым антонимом является в этих случаях *молодой*.

¹ Отметим, что прилагательное *новый* не является антонимом к *старый* в настоящем смысле этого слова; оно оказывается, в некотором роде, семантически более простым и подробно рассматриваться не будет.

Вторая интерпретация: тип *старая тряпка*.

'Давно используемый и пришедший вследствие этого в ветхость и/или негодность объект'. Заметим, что эта интерпретация практически всегда сосуществует с какими-то другими, так что соответствующие примеры обычно оказываются многозначными.

Другие примеры: *старая одежда, лестница, дом, мебель* и т. п. Частым антонимом является в этих случаях *новый*.

Третья интерпретация: тип *старое русло*.

'Не используемый в настоящее время объект' (эта формулировка требует уточнений, см. ниже).

Другие примеры: *старое место, квартира, лыжня, пломба, повязка* и т. п. Частым антонимом является прилагательное *теперешний*; близким синонимом — прилагательное *прежний* (см. подробнее ниже).

Четвертая интерпретация: тип *старые монеты*.

'Объект, созданный в прошлом и относящийся к прошлому'.

Другие примеры: *старые иконы, серебро, открытки*, ср. также: *старая Москва* и *старый город*. Частым антонимом является прилагательное *современный*; близким синонимом — прилагательное *старинный*.

Этим четырем интерпретациям, на наш взгляд, соответствуют следующие классы имен со своими особыми «внутривременными» характеристиками.

Имена первого класса (*старый лес*) можно сопоставить с глаголами типа градативов (термин из работы [7, 25–27]): *увеличиваться, уменьшаться, усиливаться* и под. Действительно, к этому классу относятся имена, которые обозначают природные объекты, изменяющиеся во времени (вообще, как мы увидим ниже, идея изменения во времени составляет существенный компонент инвариантного значения прилагательного *старый* и, таким образом, присутствует в семантике лексем всех типов, способных сочетаться с этим прилагательным). При этом оказывается, что, согласно языковой картине мира, далеко не все природные объекты изменяются, и, тем самым, не всякое имя природного объекта может сочетаться со словом *старый*: неизменными остаются солнце и огонь, небо и звезды (ср. **старое солнце*), со временем меняются деревья (но не цветы: увядший цветок просто перестает существовать), горы и утесы (но не холмы и ухабы), леса (за счет деревьев) — но не степь и тундра; одушеверяемые звери, как бы сопоставимые с человеком (в том числе и по отпущенному им жизненному сроку), но не червяки и стрекозы (ср. **старая стрекоза/соловей*). «Стареют»

бес и ведьма (соответствующие имена с полным правом можно отнести в класс имен лиц), но не привидение, демон или чудовище.

«Глагольным» аналогом для имен второго класса (*старая тряпка*) могут служить делимитативы, описывающие ситуацию, строго ограниченную во времени: *прошел 5 километров, пропел песню* и под., потому что в этот класс попадают артефакты — имена, описывающие объекты, жизненный срок которых жестко фиксирован. *Старый* описывает в данном случае состояние объекта, в котором он находится, будучи в непосредственной близости от конца этого срока, причем все изменения, которые при этом возникают, однозначно воспринимаются как ухудшающие артефакт. Такой определенности не знают объекты первого класса: в отличие от *старой тряпки, старое дерево* не значит обязательно 'плохое' — оно изменилось по сравнению с прежним своим состоянием, но оно всего лишь обязательно другое, чем раньше. (В этом смысле имя *вино*, скорее, попадает в первый, а не во второй класс, то есть осмысливается не как артефакт, а как природный, живой объект с нежестким жизненным сроком: интерпретация сочетания *старое вино* ближе к интерпретации сочетания *старый дуб*, чем сочетания *старая шляпа*.)

Что касается имен третьего класса (*старое русло*), то в таксономии глаголов к ним, с нашей точки зрения, наиболее близки мультипликативы, называющие ситуации с повторением фаз: *прыгать, моргать, махать, кашлять, капать* и под. Обратим внимание, что во всех этих случаях следующая фаза вовсе не обязательно в точности повторяет предыдущую, более того, в нормальном случае эти фазы всегда нетождественны: если бы мы взялись аккуратно описывать множественную ситуацию, обозначенную глаголом *прыгать*, мы немедленно бы обнаружили, что следующая фаза (т. е. следующий прыжок) оказывается длиннее или, наоборот, короче предыдущего, резче или слабее, выше или ниже, и т. п. Но с точки зрения семантики глагола (а не описания его денотативной ситуации) это точно такая же фаза, как и предыдущая. Соответственно, в этот класс объединены имена, обозначающие, если так можно сказать, «сменные» объекты, которые обладают следующим свойством: на протяжении ситуации, в рамках которой эти объекты представлены в картине мира, возможна их смена; как только у одного кончается срок жизни, его место занимает такой же. Русло у реки есть всегда, но может настать момент, когда одно русло исчерпало себя, и тогда возникает новое; ср. также *старый картофель* ('прошлогоднего урожая'). Многочисленны в этом классе названия сменных частей

объекта (ср. *старая шина*, *старый кран*, и т. п.; разумеется, эти имена могут осмысляться и по второму классу — о проблеме множественной интерпретации см. ниже).

Во многом похожая картина обрисована в исследованиях [6; 12, 184–189; 4] применительно к контекстам с *прежний*: там речь также идет об одной и той же роли, которую могут брать на себя разные референты. Представляется, однако, что даже в этой узкой группе контекстов значение слова *старый* отличается от значений *прежний*: в первом четко прослеживается идея 'исчерпания ресурса', поскольку появление нового референта происходит по причине исчерпания ресурса предыдущего референта; играет роль и непрерывность этой смены. Конечно, это достаточно тонкие различия, в большинстве случаев они нейтрализуются и не видны, но в некоторых контекстах эта разница ощущается. Ср.: *В старой тюрьме было, пожалуй, получше* — так может сказать заключенный, если старое здание тюрьмы поставили на ремонт ('исчерпание ресурса'), но если человек сидел, потом был выпущен на свободу и через несколько лет опять попал в заключение, он скажет, скорее, *в прежней тюрьме*: смена объекта произошла после перерыва и по совсем другой причине.

В связи с этим свойством слова *старый* обратим внимание также на следующее обстоятельство.

Есть объекты, которые, ввиду особенностей их функционирования, можно было бы назвать даже не сменными, а «постоянно сменными», — к ним относятся, например, посуда для сервирования стола или скатерть. Между тем, предложение:

Положи мне второе в старую тарелку оказывается в обычном случае (не имеющем в виду требование подать другой, старый сервиз) неприемлемым (следует сказать: *в ту же тарелку*).

Другой пример. Дама выбирает в магазине платье и примеряет по очереди два, после чего продавец вежливо рекомендует ей остановиться все же на первом, но он почему-то не может при этом посоветовать

— *Мадам, наденьте/купите/оставьте старое!*

хотя в этой ситуации очевидным образом происходила смена объектов.

В обоих случаях дело, на наш взгляд, в том, что при этой смене предыдущий объект не изменился или недостаточно изменился, и главное, не успел выработать своего ресурса, так что смена референта произошла по другой причине, чем завершение «жизненного цикла» объекта, а это нарушает условия употребления *старый*.

Наконец, к четвертому классу (*старые монеты*) относятся так называемые креативные имена, т. е. имена объектов, для которых маркирован момент возникновения, а часто и их автор, создатель². Такого рода объекты (к ним прежде всего относятся произведения искусства, архитектуры, литературы и т. п.) не стареют и не ветшают — они принадлежат к минувшей эпохе, связаны с ней и в каком-то смысле отражают ее. При этом легче всего креативная интерпретация возникает в случае генерического употребления (ср. также раздел, посвященный четвертому аспектуальному классу у имен лиц); так, в приводимых ниже парах к креативной интерпретации в большей степени тяготеет второй пример:

(i) *Не знаю, что делать с этими старыми книгами.*

(ii) *Открылся клуб любителей старой книги.*

(i) *В нашем старом доме не было лифта.*

(ii) *Старые дома строились иначе.*

Видимо, дело в том, что класс или множество объектов определенного типа связаны со своей эпохой прочнее, чем отдельный их представитель. Именно как отражение предыдущей эпохи они и существуют в настоящем. Это важнейшее свойство креативных имен; некоторым аналогом им в классификации глаголов можно было бы считать перфектные глаголы типа *вспомнить*: в ситуации, описываемой перфектным глаголом, собственно событие происходит давно и однажды (например, момент воспоминания), но затем это событие как бы сохраняет силу, так как неограниченно длящееся последующее состояние является его прямым результатом.

Вообще говоря, это очень небольшой, практически закрытый класс имен, однако можно считать, что в современном языке и современной действительности открылся мощный источник его пополнения за счет «морально устаревших» приборов, ср. в этом значении *старый телевизор/холодильник/компьютер* и т. д. Тем не менее, некоторое тонкое различие между, так сказать, «основными» представителями этого класса и его новейшим лексическим пополнением все же есть, и оно достаточно хорошо проявляется именно в сочетаниях с прилагательным *старый*: *старые картины/иконы/города* имеют в языке скорее положительную оценку, а *старый компьютер* или *холодильник* — отрицательную (интер-

² Интересно, что очень близкая группа имен выделяется при исследовании possessивности, в частности, контекстов с вопросительным *чей*. В отличие от обычных артефактов, предполагающих в ответе на такие вопросы владельца или пользователя вещи, вопросы с креативными именами предпочитают в качестве ответа имя создателя объекта (подробнее см. нашу работу: [9]).

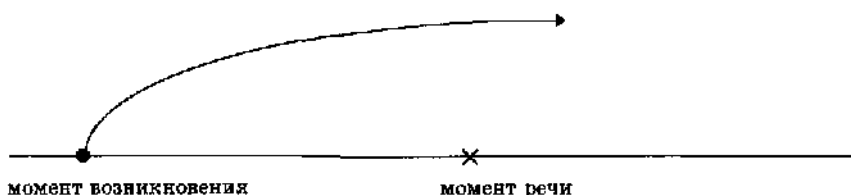
претация этого аффекта будет предложена в следующем разделе статьи).

3. Использование результатов аспектуальной классификации

Таким образом, мы выделили четыре «аспектуальных» типа имен: природные объекты, артефакты с ограниченным сроком жизни, «сменные» и креативные объекты. Каждый из этих типов имеет свои встроенные временные параметры, причем, так же, как и в случае семантической классификации глаголов, нацеленной на описание видовых противопоставлений, эти параметры не навязываются лексеме синтаксическим или грамматическим описанием. Они естественным образом выделяются в ходе детального семантического анализа лексемы, причем такого семантического анализа, который предназначен отнюдь не только для установления ограничений на сочетаемость с временными операторами. Так, если мы описываем, например, лексему *дерево*, в этом описании должно быть обязательно сказано, что дерево — это природный (не созданный человеком) объект, что оно живое и растет, т. е. меняется с течением времени; если же мы описываем лексему *картина*, нам важно, что этот объект — произведение искусства, и, как произведение искусства, оно всегда является творением определенного человека, так что картина имеет не только имя и/или содержание, но и автора (авторов), и, так сказать, дату рождения. Как видно из этих примеров, все нужные нам аспектуальные характеристики имени легко выделить уже и в этих очень приблизительных с точки зрения лексикографа набросках. Другой вопрос — зачем нужно выделять эти аспектуальные характеристики из толкования и строить на этом основании именную классификацию.

Преимущество такого подхода к семантике имени проявляется, на наш взгляд, в частности, и при рассмотрении контекстов с прилагательным *старый* — ведь в таком случае *старый* представляется как временной оператор только с одним значением, которое можно было бы описать приблизительно как 'возникший (начавший свое существование / созданный) давно относительно момента речи'. Что же касается различий в интерпретации конкретных употреблений, то они возникают в результате того, что в сочетании с именами того или иного типа это значение естественным образом уточняется.

Для имен первого класса (*старый лес*) — 'возникший давно относительно момента речи и изменившийся за это время':

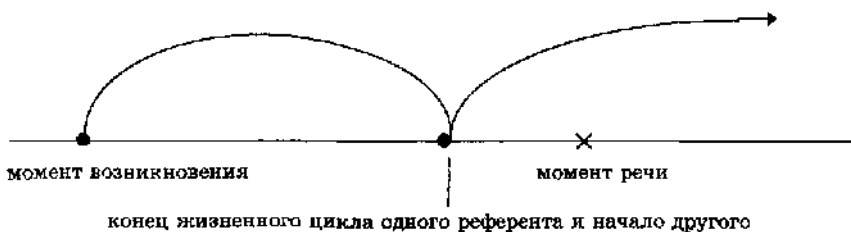

Для имен второго класса (*старая тряпка*) — 'давно созданный', причем это «давно» можно измерить: естественной мерой здесь служит фиксированный жизненный срок объекта ('вещь, созданная так давно, что ее жизненный срок близок к концу');

Именно это обстоятельство естественным образом объясняет возникающую в сочетаниях данных имен с прилагательным *старый* отрицательную оценку. Тем самым, оценка не является частью семантики *старый* (в русском языке *старый* ни в этом конкретном употреблении, ни вообще не значит 'плохой'; см. ниже, где мы будем говорить о значении слова *старый* в контексте «креативных» имен), а возникает благодаря специфике имен этого актуального класса.

Для имен третьего класса (*старое русло*) мерой времени служит жизненный цикл одного референта, следовательно, в данном случае *старый* понимается как 'возникший так давно, что жизненный цикл этого референта полностью завершился (и начался жизненный цикл следующего)':

Для имен четвертого класса (*старые монеты*) — 'так давно, что прошла эпоха, с которой связаны эти вещи, и наступила другая'. Благоговейное отношение человечества к своему прошлому закреплено в языковой картине мира — не случайно ближайший синоним четвертого употребления *старый*, прилагательное *старинный*, имеет ярко выраженную положительную оценку. Точно так же, положительная оценка, как мы уже говорили, свойственна и сочетаниям с «основными» представителями этого класса (*старые картины* и др.). Что же касается группы имен — названий морально устаревших приборов, то в их оценочном поведении отражен тот факт, что они совмещают свойства имен четвертого и второго классов (артефактов с ограниченным сроком жизни). Действительно, все это вещи, которые человек специально сделал, чтобы их использовать в течение какого-то срока. Между тем, если с этой точки зрения рассматривать «основные» имена четвертого класса, то их использование — если вообще можно применительно к этим объектам говорить о чем-то подобном — в принципе другого рода и по крайней мере не предполагает срока истощения ресурса.

Отсюда отрицательная оценка в одном случае и ее отсутствие — в другом.

4. Об альтернативных решениях

В известных нам исследованиях задача описания семантики прилагательных не связывается прямо с построением семантической классификации существительных³.

Остановимся подробнее на работе Барбары Парти [15], в которой излагается классификация прилагательных (на материале английского языка) по семантическим типам. В частности, среди качественных прилагательных различаются тип *skillful* ('умелый'), тип *former* ('бывший') и тип *tall* ('высокий') — по способу интерпретации соответствующих сочетаний с существительными. Например, всякое множество *skillful N* оказывается подмножеством *N* (так, *skillful surgeon* 'опытный хирург' является элементом

³ Исключением является недавняя статья Дж. Р. Тейлора [16], в которой к анализу семантики английского прилагательного *old* применяются некоторые положения когнитивного подхода. Не имея возможности подробно разобрать здесь эту работу, отметим, что классификация английских существительных в ней в явном виде все же отсутствует, хотя автор указывает и на роль семантики имени в интерпретации конструкций с *old*, и на возможность постулирования у *old* единого значения.

множества хирургов вообще); однако прилагательное из класса *former* уже не удовлетворяет этому условию: *former senator* 'бывший сенатор' никак не может входить в множество сенаторов. С другой стороны, прилагательные типа *tall* характеризуются прежде всего тем, что они описывают контекстно зависимые признаки, интерпретация которых меняется в зависимости от объекта (ср. *высокий мальчик* и *высокий баскетболист*: значения размера, приписываемые в этих случаях, заведомо не совпадут). Поэтому возможны сочетания вида *tall for an East coast mountain* 'высокая для горы Восточного побережья', которые не встречаются у прилагательных других групп.

При таком подходе к семантике сочетаний прилагательных с именами средоточием всех различий оказывается не предметное имя, а прилагательное. Однако если бы мы при анализе нашего материала следовали такому подходу, то разные употребления *старый* должны были бы распределиться по разным семантическим типам прилагательных (ср. тип *former* — наша третья интерпретация сочетаний со словом *старый*, или тип *tall* — наша первая интерпретация). В свою очередь, это привело бы к неоправданному, на наш взгляд, нарушению целостности значения прилагательного — при том, что использование результатов аспектуальной классификации имен как раз позволяет избежать этого, ведь, несмотря на довольно обширные сочетаемостные возможности этого прилагательного, нам удастся во всех случаях обойтись одним значением слова *старый*.

В подтверждение этого тезиса мы позволим себе расширить зону рассматриваемых примеров и выйти за пределы неодушевленных объектов.

5. О старых людях

Действительно, оказывается, что если обратиться к именам лиц, которые мы вначале исключили из рассмотрения, то и в этой зоне картина будет очень близкой — в частности, имена лиц тоже делятся на четыре аспектуальных класса, во многом аналогичных рассмотренным ранее.

В первый класс попадают лица, с языковой точки зрения подверженные возрастным изменениям (ср. класс «природных объектов» типа *старый лес*): *человек, бабушка, родители, негр, крестьянин, профессор, художник, мудрец* и т. п. Это прежде всего имена национальностей, имена родства и имена некоторых профессий и

занятий. Что касается имен национальностей, то в данный класс они попадают все (за исключением, по-видимому, слова *русский* — возможно, по морфологическим причинам⁴). Между тем, далеко не все из имен родства могут быть охарактеризованы по возрасту, а только родственники старшего поколения: *тетя/дядя, отец/мать, бабушка/дедушка*. Любопытно, что ни братья и сестры, ни племянники, ни дети и внуки с языковой точки зрения как бы не имеют возраста, ср. сомнительность не только ¹*мой старый брат/племянник/внук/но* и ²*мой пожилой/молодой внук/брат* и т. п.

Имена профессий и занятий в основном, как мы увидим, относятся к следующему классу, а в первый класс попадают только те, для которых менее всего значима профессиональная опытность. Это свойство, с одной стороны, творческих профессий, а с другой — занятий, не требующих специальных навыков. Так, например, мастерство писателя, в общем-то, не связано с тем, как долго он занимается литературным трудом; то же верно для лексем *музыкант, художник, ученый, няня, сиделка, волшебник, барин, бродяга, шут, палач, сторож, швейцар*, а также названий многих «должностей»: *инспектор, вождь, профессор, академик, адмирал, комендант* и др. Во всех этих случаях изменения, происходящие с течением времени (а это, как мы помним, важнейший компонент инвариантного значения слова *старый*), касаются не профессиональной характеристики лица, а лишь его возраста — отсюда «возрастная» интерпретация такого рода сочетаний с именами лиц.

Второй класс составляют имена лиц, выделяемые по некоторому признаку, такому, что этот признак сам способен попадать в сферу действия временного оператора, вытесняя из нее сему возраста человека: *старый друг* давно является другом (так сказать, «давно дружит»), и не важно, молодой он человек при этом или старый. Ср. также: *товарищ* («*Старый товарищ* бежать пособил...»), *воин* («Но отец твой — *старый воин*, закален в бою...»), *лгун, игрок, юрист, дипломат, разведчик* и мн. др. Легко видеть, что в этот список попадают в основном «настоящие» профессии, требующие обучения и навыка, а также свойства, набирающие силу со временем.

---

⁴ Обратим внимание, что встречающийся время от времени иронический неологизм *старые русские*, построенный как антоним к (кальке) *новые русские*, имеет другую интерпретацию и по нашей классификации, скорее, попадает в четвертый класс.

Вообще говоря, второй класс имен лиц похож на выделенный выше второй класс неодушевленных объектов, куда попали артефакты с ограниченным сроком жизни (*старая тряпка*), но сходство здесь только в акценте на функциональной составляющей. Никакой отрицательной оценки в классе имен лиц, в отличие от имен артефактов, не возникает — даже наоборот: старый солдат, конечно, отличается от молодого, но как раз за счет того, что он опытнее и, следовательно, «ценнее» его, так что в этом отношении данные контексты следует сближать уже не с артефактами, а с классом «природных объектов».

З а м е ч а н и е. Рассмотренные два класса имен лиц представляют с семантической точки зрения довольно сложную картину из правил и исключений. В особенности неясной представляется эта картина для первого, «возрастного», класса имен. Действительно, ведь всякое имя лица имеет, так сказать, право на возраст — и вдруг в языковой картине мира некоторым группам лексем в этом праве отказано. Можно еще понять, когда какое-то другое изменяющееся во времени свойство оказывается сильнее возрастной характеристики — именно так семантически может быть проинтерпретирован второй класс имен лиц, но почему целые группы имен вовсе не сочетаются с прилагательным *старый* и не принимают хотя бы «возрастной» интерпретации? Таковы прежде всего имена постоянных свойств, ср.: *личность, гений, лжец, двойник* и др. Аналогичным образом ведут себя и многие оценочные имена, ср.: *старый хам/подлец/ушлица/лапочка/касатик* и др. Отметим здесь, что невозможны и сочетания этих имен с прилагательным *пожилой*, способным измерять исключительно возраст человека, ср.: **пожилой гений/лжец/хам/двойник/подлец* и т. п.

На наш взгляд, здесь можно усмотреть некоторую общую для естественного языка стратегию, и это единственное, что могло бы облегчить участь лексикографа, обреченного в противном случае лишь механически фиксировать поведение каждой лексемы в контексте прилагательного *старый*, — а именно, известный эффект семантического согласования в атрибутивных сочетаниях (ср., например: [5; 1, 13–15; 2] и др.), который в нашем случае можно было бы сформулировать так: если значение возрастной характеристики лица так или иначе встроено в семантику имени, то оно провоцирует «возрастную» интерпретацию сочетания в целом.

Что значит, что в семантику лексемы встроена возрастная характеристика? Во-первых, концепт лексемы может быть более или менее устойчиво связан с лицами определенного возраста, ср.: *академик, адмирал, профессор*, в отличие от значительно более неопределенных с точки зрения возраста должностей, как *чиновник, инструктор, руководитель, председатель* и т. д. Среди имен родства наиболее определены в отношении возраста как раз лица старшего поколения.

Во-вторых, признак, по которому осуществляется номинация, может так или иначе коррелировать с возрастом (усиливаться или ослабляться) — такого рода информация тоже составляет часть концепта имени, и сочетание интерпретируется как 'N вопреки или благодаря преклонным годам', ср.: *старый весельчак/ворчун/говорун* и т. д.

Наконец, общие имена лиц типа *человек, мужик, женщина* (сходную с общими именами семантическую структуру имеют, по-видимому, и имена национальностей) содержат переменную по возрастной характеристике — носитель языка понимает, что имя *человек* обозначает живое существо, которое не охарактеризовано, но может быть охарактеризовано по возрасту.

Во всех остальных случаях (в частности, когда имя названо по некоторому постоянному свойству) семантического согласования внутри атрибутивного сочетания не возникает, так как номинация имени не связана с возрастной характеристикой (ср. обсуждение сходных примеров в нашей статье [10]).

Третий класс имен лиц может быть очерчен достаточно ясно, и при этом он оказывается абсолютно аналогичен третьему классу неодушевленных объектов (типа *старое русло*) — это «сменные» должности и свойства: *директор, министр, декан, правитель* и под.

Четвертый класс оказывается самым малочисленным. Он тоже аналогичен четвертому классу собственно предметных имен, выступающих свидетелями своей эпохи (*старые монеты*); наиболее бесспорным представителем здесь является, на наш взгляд, слово *мастер*, ср.: *картины старых мастеров* — не 'пожилых', не 'опытных', не 'предыдущих', а тех, которые работали в старину ('старинных'); ср. также *старая интеллигенция, эмиграция, старые учителя* ('учителя старой школы'), *старые специалисты*. Так же, как для креативных имен важен момент их создания, для имен лиц, попадающих в четвертый класс, важно, чтобы характеризующее их свойство имело начало, точку отсчета, — мастером или интеллигентом (в отличие, скажем, от гения) можно в некоторый момент стать (чтобы потом им навсегда остаться), и это значит начать работать, как другие мастера (этой эпохи), или жить, как живет интеллигенция (этой эпохи). Отсюда, во-первых, невозможность в этом классе имен лиц, описывающих индивидуальные характеристики, — таких, как, например, лексема *герой*: героем можно стать, но при этом не происходит отождествления нового героя с его предшественниками-современниками; таким образом, именно благодаря сугубой индивидуальности

герой попадает не в четвертый класс, а, скорее, в класс лиц, описываемых постоянными свойствами и не допускающих при себе временного оператора *старый*. Во-вторых, из этого следует и «склонность» к генерическим употреблением, свойственная также креативным именам, ср. здесь допустимость интерпретации в смысле 'старинный, старых времен' таких сочетаний, как *старые офицеры/моряки/генералы/руководители* и мн. др., в единственном числе осмысляемых, как мы видели, по модели первого, второго или третьего аспектуального класса⁵. Как и в случае с неодушевленными креативными именами, этот класс употреблений допускает ярко выраженную положительную оценку.

6. О множественности именной классификации

Итак, каждый аспектуальный тип характеризует свою группу лексем и навязывает, в частности, сочетанию с прилагательным *старый* определенную интерпретацию, причем можно взять пару или даже группу близких по значению лексем и обнаружить, что за счет каких-то семантических различий они, тем не менее, попадают в разные аспектуальные классы. Например, в отличие от *старый букварь*, сочетание *старый учебник* понимается не столько как 'истрепанная книжка', но и как 'учебник предыдущего поколения', т. е. по типу *старое русло* (заметим, что допустима, в особенности во множественном числе, и четвертая интерпретация — 'старинные учебники'). Дело в том, что содержание букваря гораздо более неизменно, чем содержание учебника, и в учебнике, в отличие от букваря, меняется и устаревает не только форма — обложка, переплет и проч., но и способ изложения фактов (а может быть, и сами факты), поэтому учебник — имя третьего аспектуального класса, а букварь — второго (принципиальная возможность множественной интерпретации лексем обсуждается в настоящем разделе ниже).

⁵ В случае очевидных противопоставлений такого рода — практически минимальных пар — когда единственное число сочетания интерпретируется, скажем, по первому типу, а множественное по четвертому, становятся особенно заметны акцентные различия, сопровождающие разные типы употреблений наших сочетаний. Так, «возрастная» интерпретация предполагает, скорее, безударное *старый*, тогда как, при интерпретации по четвертому типу, *старый*, по-видимому, ударное. К сожалению, мы не имеем возможности остановиться на интонационной проблеме подробнее — это тема для отдельного и более специального исследования.

Имена лиц также предоставляют материал такого рода. Например, имя *грешник*, бесспорно, яркий представитель второго класса: с течением времени грехов становится больше, так что *старый грешник* — это много грешивший человек. Между тем *старый развратник* имеет только «возрастную» интерпретацию, — следовательно, количественные параметры (в отличие от случая с грешником) ничего не добавляют здесь к характеристике данного лица, — т. е., с точки зрения данного фрагмента языкового материала, как бы нельзя быть большим или меньшим развратником⁶. Что же касается способа семантического согласования в этом случае, то, на наш взгляд, здесь остается только одна из возможностей: 'N вопреки преклонным годам'. Любопытно, что сочетание *старый праведник оказывается вовсе неприемлемым: имя *праведник* описывает постоянное свойство, не зависящее от возраста лица. Таким образом, *грешник* — это градуируемое, прогрессирующее со временем свойство (второй аспектуальный класс), *развратник* — постоянное свойство человека, но усугубляемое возрастом (первый аспектуальный класс), *праведник* — вне возраста и времени (подобные случаи фактически образуют отдельный, пятый аспектуальный класс).

Рассмотренные примеры призваны были убедить читателя, что даже небольшие семантические различия могут, вообще говоря, привести к тому, что похожие лексемы попадут в разные классы нашей классификации. Вместе с тем, чем больше общего в семантике двух лексем, тем, следовательно, больше вероятность их возможного объединения в один аспектуальный класс. Ну а если это одна и та же лексема? Может ли она относиться к разным классам, или это значит, что у нее необходимо различать более одного значения? Речь идет о примерах типа: «*Надень мои старые ботинки, они еще совсем новые*» (пример Д. Н. Шмелева), когда один и тот же объект (в данном случае — ботинки) осмысливается то как сменный, то как «стареющий» артефакт, и соответствующее имя должно, следовательно, попадать в разные аспектуальные классы. Примеров подобного рода очень много; в частности, как мы говорили, практически всякий раз интерпретации второго типа с неодушевленными артефактами сопутствует еще какая-то другая; ср. также только что разобранные примеры со словами *букварь* и *учебник*, где возникала возможность не только двоякой, но даже и тройкой интерпретации сочетания.

⁶ Но ср.: *Не такой уж он большой развратник.*

На наш взгляд, множественная интерпретация имен естественна, потому что так устроена — по крайней мере в предметной зоне — и сама языковая классификация. Один и тот же предмет, вещь, лицо в языке отражается большой совокупностью разных свойств; эта совокупность имеет некоторую структуру, но вовсе не иерархическую — очень часто при описании предметной лексемы трудно выделить безусловно доминирующую семантическую составляющую. Поэтому, даже будучи уже назван, объект может быть тем не менее воспринят по-разному, в зависимости от ситуации и контекста употребления имени. — т. е. в разных случаях могут выделяться разные свойства, и тогда имя может быть отнесено к разным семантическим типам одновременно. Ведь, например, колодец это одновременно (а не в разных своих значениях!) и емкость, и устройство. С точки зрения теории классификации это значит, что хорошую древовидную (таксономическую) классификацию на материале именной лексики построить нельзя: практически каждое имя будет «стремиться» в несколько классов одновременно, нарушая стройность картины, так что, видимо, лингвистически содержательная классификация имен должна быть фасетной.

Но сложность семантической структуры имени касается не только его таксономических характеристик — точно так же дело обстоит и с другими, в том числе, аспектуальными характеристиками. Что такое *игрушка*? Игрушка — это артефакт, игрушки могут ломаться, портиться и т. д., — у них есть свой срок жизни, поэтому когда мы говорим:

— *Давай починим старые игрушки!*

имеются в виду вещи, почти отслужившие свое время. Но с другой стороны, те же игрушки делаются в расчете на определенный возраст: погремушки, куклы, конструкторы — все это игрушки, предназначенные, чтобы сменять друг друга, поэтому в контексте:

Его старая любимая игрушка — бегающий мышонok — давно уступила место компьютеру —

имя *игрушка* обозначает сменный объект и должно быть отнесено к третьему классу. Наконец, те же игрушки придумывают, изобретают и изготавливают особые мастера, и используемые при этом способы и приемы, как это бывает при всякой творческой деятельности, оказываются характерными для своего времени, следовательно, во фразе типа:

В Париже прошла выставка старой игрушки —

оправдано ожидать интерпретации, при которой игрушка окажется в четвертом аспектуальном классе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ю. Д. Апресян. Лексическая семантика. М., 1974.
2. Н. Д. Арутюнова. Семантическое согласование слов и интерпретация предложения // Грамматическое описание славянских языков. М., 1974.
3. Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М., 1982.
4. Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
5. В. Г. Гак. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. М., 1972.
6. М. А. Кронгауз. Время как семантическая характеристика имени // Семиотические исследования. М., 1989 (Вопросы кибернетики, вып. 159).
7. Е. В. Падучева. Таксономические категории глагола и семантика видового противопоставления // Семиотика и информатика, 1994, вып. 34.
8. В. А. Плунгян. Вид и типология глагольных систем // Труды аспектологического семинара МГУ. М., 1996, вып. 1.
9. Е. В. Рахилина. Семантика посессивности и вопрос (о русской лексеме *чей*) // НТИ, сер. 2, 1996, № 4.
10. Е. В. Рахилина. Лексическое значение и коммуникативная структура // НТИ, сер. 2, 1992, № 6.
11. Е. Я. Шмелева. Названия производителя действия в современном русском языке (словообразовательно-семантический анализ). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1994.
12. Е. С. Яковлева. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
13. Ö. Dahl. On points of reference // Semantikos, 1975, v. 1, No 1.
14. D. Lewis. General semantics // B. Partee (ed.). Montague Grammar. New York, 1976, 1-50.
15. B. Partee. Lexical semantics and compositionality // L. Cleitman, M. Liberman (eds). Invitation to cognitive science, part 1: Language. Cambridge (Mass.), 1995.
16. J. R. Taylor. Old problems: adjectives and Cognitive Grammar // Cognitive Linguistics, 1992, 3. 1, 1-35.
17. Z. Vendler. Verbs and times // Z. Vendler. Linguistics and philosophy. Ithaca, 1967.

В. М. Труб

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ЧАСТИЦАМИ *ЕЩЕ, ПОКА, УЖЕ*

1. Семантическая интерпретация высказываний, в которых фигурируют лексемы *еще, пока, уже*, должна исходить из того, что описываемая ситуация рассматривается не сама по себе, а с учетом ее развития. *Еще* и *пока* вносят представление о нестабильности, временности рассматриваемой ситуации, а *уже* характеризует некоторое положение дел как новое, в его соотнесенности с тем, что ему предшествовало. При этом обычно используется два типа соотнесенных структур. Выражение исходной ситуации посредством конструкции *еще (пока) P* предполагает, что конечная ситуация будет выражена конструкцией *уже не P* (т. е. *еще (пока) P* → *уже не P*). И наоборот, противоположный способ описания чередования предусматривает другое соотношение: *еще (пока) не P* → *уже P*.

При исследовании конкретных употреблений рассматриваемых лексем целесообразно различать два типа контекстов: а) предложения, в которых так или иначе реализуется темпоральная валентность частицы (ср. [2]), обычно задающая временные координаты соответствующей эволюции; б) предложения, в которых темпоральная валентность не реализуется. В этом случае развитие ситуации, как правило, соотносится с временем речевого акта и, шире, с «временем говорящего» [1]. В данной работе будут рассматриваться только контексты второго типа.

Обычно выражение типа *еще (пока) P* опирается на презумпцию перспективы прекращения текущей ситуации и констатирует ее сохранение в обсуждаемом временном интервале. Тогда *уже не P*, опираясь на ту же презумпцию, вводит в поле зрения факт прекращения предшествующей ситуации. Выражение же типа *еще (пока) не P* нормативно опирается на презумпцию перспективы наступления новой ситуации и констатирует, что в обсуждаемом временном интервале она не имеет места. *Уже P*, опираясь на ту же презумпцию, вводит в поле зрения факт наступления ожидаемой ситуации P.

В соотнесенных структурах нормативно должны употребляться одни и те же видо-временные формы P. Ср.: *он еще спит (спал)* → *он уже не спит (не спал)*; *он еще не спит (не*

спал) → он уже спит (спал). Однако эта закономерность сохраняется только для Р-процессуальных предикатов и предикатов-состояний [3]. Для событийных предикатов в прошедшем времени тип соотношенности *еще Р* → *уже не Р* становится невозможным. Ср.: Он еще не приехал → Он уже приехал, но *Он еще приехал → *Он уже не приехал. Причина этой аномальности объясняется противоречием, к которому приводит взаимодействие смысловых компонентов частиц и событийных предикатов. Действительно, частица *еще* в конструкции *еще Р (событ. прош.)* указывает на сохранение исходного положения дел, тогда как событийный предикат вводит в коммуникативный фокус наступление нового. В конструкции *уже не Р (событ. прош.)* частица *уже* имплицитно указывает на начало нового, а компонент *не Р (событ. прош.)* указывает на то, что новое положение дел не наступило. Таким образом, в левой и правой частях соотношенных структур получается, что каждая из ситуаций одновременно существует и не существует, что и приводит к противоречию.

Отличительной особенностью структуры *еще не Р* (в противоположность *уже не Р*) является «неустойчивость» отрицания. Ср. в связи с этим пример из работы [5]: (1) Ребенок еще не уснул = 'Как известно, ожидалось, что ребенок уснет. То, что в настоящий момент он спит, неверно'. При этом имеется в виду, что ожидание того, что ребенок уснет, сохраняет свою правомерность: хотя в настоящий момент он и не спит, нет никаких оснований перестать считать, что он не уснет позже. В случаях же «обычного» отрицания нереализация так или иначе ожидаемого события Р свидетельствует о том, что данное предположение не оправдалось, — какое-либо ожидание осуществления Р в дальнейшем неправомерно (по крайней мере на временном отрезке, который говорящий считает релевантным с точки зрения описываемой ситуации — например, на интервале, входящем во время говорящего [1]).

Семантическое описание фраз с данными лексемами часто требует экспликации того эволюционного процесса, который ими маркируется. Для этого иногда нужно восстанавливать некоторое прототипическое высказывание, в котором эксплицируется реальная сфера действия этих слов. Ср. диалог: (2) Уже Харьков? — Нет, еще Люботин, где ответ является «сокращенным» выражением противопоставительного отрицания: 'Еще не Харьков, а Люботин'.

Иногда соотношенные структуры ('еще Р' / 'уже не Р') могут быть «спрятаны» внутри значения слова. Ср. в этой связи утвердительные и отрицательные формы предиката *успевать*, употреб-

ляемые в настоящем и будущем времени — *x* еще успевает (успеет) P / *x* уже не успевает (не успеет) P : (3) Он еще успевает (успеет) на поезд = 'Временной ресурс, которым он располагает, еще достаточен (т. е. еще больше или равен временному ресурсу, нормативно необходимому), чтобы сесть в поезд'; (4) Он уже не успевает (не успеет) на поезд = 'Временной ресурс, которым он располагает, уже недостаточен (уже меньше временного ресурса, нормативно необходимого), чтобы сесть в поезд'. При этом (3) и (4) опираются на естественную презумпцию постоянного уменьшения временных запасов.

2. Следует подчеркнуть, что еще ориентировано на закономерность перехода от текущего «не P » к P (или наоборот), т. е. «не P » должно раньше или позже уступить место P . Если же у говорящего нет полной уверенности в необходимом наступлении P , либо нет хотя бы приблизительного представления о времени наступления P (пусть и необходимого), то предпочтительнее употребление частицы *пока*. Чтобы полнее уяснить соотношение *еще* и *пока*, рассмотрим конкретные примеры употребления конструкций *еще не P* , *пока не P* , *еще P* и *пока P* :

1) *еще не P* — ср. (5) Она еще не приехала = 'Презумпция: Как известно, ожидается ее приезд. Ассерция: То, что в настоящий момент она находится здесь, неверно';

2) *пока не P* . В отличие от *еще не P* , конструкции *пока не P* опираются на такую презумптивную идею о P , которая допускает как необходимость, так и возможность наступления P . В первом случае говорящий, констатируя в асертивной части, что P не имеет места, дополнительно сообщает, что ему не известно точное время чередования «не $P \rightarrow P$ »:

пока не 1 P — ср. (6а) Она пока не приехала = 'Презумпция: Как известно, она должна приехать. Ассерция: То, что в настоящий момент она находится здесь, неверно. Говорящий не располагает сведениями о том, когда она придет'. Заметим, что употребление частицы *еще* в принципе безразлично к тому, знает или не знает говорящий, когда осуществится чередование « $P \rightarrow$ не P ». Так, в (5) об этом ничего не сообщается. Поэтому (5) вполне применимо для описания той же ситуации, которая отражена в (6а) (при условии, что говорящий не располагает такими данными);

пока не 2 P — ср. (6б) Она пока не приехала = 'Презумпция: Как известно, считается возможным, что она придет. Ассерция: То, что в настоящий момент она находится здесь, неверно. У говорящего (по-прежнему) нет полной уверенности в том, что она придет'.

Тот или другой тип интерпретации конструкции *пока не Р* во многом зависит от контекста, от взаимодействия частицы с семантикой *Р*. В связи с этим представляет интерес рассмотрение соотношения *еще не Р* и *пока не 2 Р* при описании ситуаций, которые рассматриваются как ступени некоторой иерархии, например, военной карьеры. Ввиду трудности достижения высших воинских званий, в высказываниях о том, что в обсуждаемом временном интервале некоторое лицо не достигло *n*-ного звания, употребление *пока не 2* становится тем предпочтительнее употребления *еще не* и *пока не 1*, чем более высокой ступени в данной иерархии соответствует звание *n*. Так, (7) *Он пока не генерал* (не в ироническом контексте) выглядит естественнее, чем (8) *Он еще не генерал*. (8) может быть сказано только об очень перспективном военном;

3) *еще Р* — ср. (9) *Она еще в Ростове* = 'Презумпция: Как известно, ранее она была в Ростове и со временем должна была покинуть Ростов. Ассерция: В настоящий момент она продолжает находиться в Ростове'. Заметим, что в зависимости от конкретных предтекстовых коммуникативных установок статус ассертивного компонента СемП (9) может интерпретироваться и как сообщение (см. выше), и как негативная оценка истинности: 'То, что она покинула Ростов, неверно' (например, если (9) является реакцией на только что высказанную слушающим уверенность в том, что она уже покинула Ростов);

4) *пока Р*. Отличительной особенностью данной структуры является отсутствие у нее ряда ограничений, свойственных только что рассмотренным конструкциям. Во-первых, *пока Р* (как и *пока не Р*) допускает градации модальностей (как необходимость, так и возможность наступления «не Р»). Во-вторых, идея о существовании *Р* может иметь статус как прагматической презумпции, так и семантической, допуская тем самым ассертивный режим введения соответствующего компонента. Благодаря этой особенности количество возможных интерпретаций *пока Р* возрастает:

пока 1 Р — ср. (10а) *Она пока в Ростове* = 'Презумпция: Как известно, ранее она находилась в Ростове, а спустя некоторое время должна была покинуть Ростов. Ассерция: В настоящий момент она продолжает находиться в Ростове. Говорящий не знает точно, когда она покинет Ростов';

пока 2 Р — ср. (10б) *Она пока в Ростове* = 'Презумпция: Как известно, ранее она находилась в Ростове. Можно было допускать, что спустя некоторое время она покинет Ростов. Ассерция: В настоящий момент она продолжает находиться в Ростове. У говоря-

щего (по-прежнему) нет полной уверенности в том, что она покинет Ростов'.

Значения *пока 3 P* и *пока 4 P* предусматривают отсутствие у соответствующих высказываний прагматических презумпций:

пока 3 P — ср. (10г) *Она пока в Ростове* = 'В настоящий момент она находится в Ростове, а затем должна покинуть Ростов. У говорящего нет точных сведений о том, когда это произойдет'. Заметим, что именно такую интерпретацию (*пока 4 P*) получает *пока* в распространенном предложении (11) *Она пока в Ростове, а потом должна ехать в Париж*, где дается конкретизация ситуации «не *P*», в которую должна трансформироваться текущая неустойчивая ситуация *P*. Ср. в связи с этим (12) *?Она еще в Ростове, а потом должна ехать в Париж*, где второе сочиненное предложение, будучи полноценным сообщением, воспринимается, тем не менее, как избыточное. Действительно, в прагматическую презумпцию высказываний типа *еще P* входит указание о том, что ранее имело место заведомо нестабильное *P*. При этом подразумевается, что слушающему либо известно, в какую ситуацию «не *P*» должно трансформироваться *P*, либо эта информация не является для него коммуникативно значимой. В то же время в (12) второе сочиненное предложение, конкретизирующее характер изменения, которое должно претерпеть текущее положение дел (ее пребывание в Ростове), подается как коммуникативно релевантная информация, вводимая впервые. Это противоречие и объясняет странность (12), подчеркивая тем самым еще одну грань противопоставления между *еще* и *пока*.

пока 4 P — ср. (10в) *Она пока в Ростове* = 'В настоящий момент она находится в Ростове. Не исключено, что со временем она покинет Ростов'.

Рассмотренный материал позволяет также сформулировать правила использования «совместимых» форм *пока еще P*, *пока еще не P*. Такая форма может использоваться только тогда, когда условия употребления *пока* (*пока не*) оказываются совместимыми с условиями употребления *еще* (*еще не*). Как мы видели, *еще P* нормативно опирается на презумпцию существования *P* и его временности (точно так же, как *еще не P* — на презумпцию существования и временности «не *P*»). Такие условия заведомо не выполняются для *пока 3 P* и *пока 4 P*, которые предполагают асертивный режим введения представления о *P*. Они также не выполняются для *пока 2 P* и *пока не 2 P*, которые допускают только возможность изменения текущей ситуации и не могут поручиться за ее однозначную нестабильность. Следовательно, совместимые

формы *пока еще P* и *пока еще не P* возможны только для употреблений *пока I P* (*Она пока еще в Ростове*) и *пока не I P* (*Она пока еще не приехала*). Как было отмечено выше, присутствующий в этих формах с *пока* компонент 'отсутствие у говорящего сведений о времени ожидаемого чередования' является нерелевантным для *еще* и поэтому никак не препятствует его совмещению с *пока*.

3. Высказывания типа *уже P*, *уже не P* констатируют осуществление соответствующего нормативного перехода и обычно опираются на прагматическую презумпцию закономерности данного чередования (от *P* к «не *P*» или наоборот). Если к моменту речевого акта эта презумпция у слушающего актуализована, то такие высказывания указывают на осуществление того, что ожидалось, неся характер подтверждения, и поэтому интерпретируются посредством положительной оценки истинности: (13а) *Ребенок уже не спит* = 'То, что ребенок уже не спит, верно = 'То, что ребенок еще спит, не верно, верно'. Заметим, что аналогичную функцию ассертивного подтверждения выполняет и адвербиальный предикатив *наконец(-то)*, с той лишь разницей, что он ориентирован только на схему чередования от «не *P*» к *P*, поскольку нормативно требует, чтобы *P* выражалось предикатом в утвердительной форме: (14) *Он наконец приехал* = 'То, что он приехал, верно'. При этом в состав значения *наконец* входит актуализованная прагматическая презумпция долговременного (существенно больше нормы) ожидания *P*, которое, к тому же, положительно оценивается субъектом ожидания. Если же презумпция закономерного чередования исходной и последующей ситуаций у слушающего к моменту речевого акта не актуализована, то тогда высказывание *уже не P* выполняет функцию опровержения сохранения прежнего положения вещей: (13б) *Ребенок уже не спит* = 'То, что ребенок еще спит, неверно'. Ср. также (15) *Он уже не майор, а подполковник*.

В то же время конструкция *уже не P* в аналогичной функции может использоваться и тогда, когда у слушающего вообще нет презумпции закономерности перехода от *P* к «не *P*», либо даже если происшедшая смена ситуаций носит незаконномерный, случайный характер: (16) *Он здесь уже не работает* = 'То, что он продолжает здесь работать, неверно'.

Важно подчеркнуть, что в высказываниях *еще P* (*еще не P*), *уже P* (*уже не P*) употребление *P* в форме настоящего времени автоматически совмещает время существования описываемой ситуации со временем речевого акта. В этом случае при интер-

претации структур *уже Р* (*уже не Р*) происходит как бы переориентация временных координат говорящего: новая ситуация помещается во временной интервал, в котором мыслит себя говорящий, а прежняя ситуация «уходит» из него в интервал, непосредственно предшествующий времени говорящего. В этих условиях *уже не Р* становится квазисинонимичным конструкции *больше не Р*, ср. (17) *Он здесь больше не работает*. Общим компонентом в трактовке этих структур является указание о том, что во время говорящего входит новое положение дел — то, что его прежняя работа здесь прекращена. Но в отличие от *уже не Р*, *больше не Р* содержит еще и семантический компонент, указывающий, что «не Р» будет сохраняться и в сколь угодно отдаленном будущем, выходящем за пределы времени говорящего: (17) = 'То, что он продолжает здесь работать, неверно. Нет никаких оснований полагать, что он будет работать здесь когда-нибудь впредь' (т. е. и в том будущем, которое в силу его отдаленности не входит во время говорящего), ср. [2]. При этом, в отличие от *уже не Р*, конструкция *больше не Р* не является аксиологически нейтральной, содержа варьирующуюся (положительную или отрицательную) имплицитную оценку говорящим произошедшей перемены.

Если *уже не Р* маркирует нормативное перемещение вверх по произвольной шкале, то *больше не Р* может констатировать однонаправленное перемещение только по шкале чисто темпоральной, ср. (18) *Он больше не ребенок (не юноша)*, (где прекращение прежнего состояния сопровождается определенной аксиологической оценкой). В то же время применительно к иерархической шкале, перемещение по которой носит не безусловный, а вероятностный характер, *Х больше не Р* не может обозначать переход на последующую ступень, а констатирует вообще падение со шкалы. В этом случае имеется в виду, что *Х* не только перестал занимать ступень *Р*, но и не занимает на данной шкале уже никакой ступени (ни выше, ни ниже *Р*). Так, (19) *Он больше не генерал-майор* означает, что он вообще перестал быть военным: (19) = 'Его нынешний статус не есть военный в звании генерал-майора, а есть гражданский'. Для *уже не Р* аналогичный эффект наблюдается в случае, если *Р* обозначает высшую ступень в соответствующей иерархии, ср. (20) *Он уже не царь (не президент...)*.

4. Как видим, интерпретация высказываний с частицами *еще*, *пока*, *уже* не может осуществляться без учета взаимодействия значений частиц с такими свойствами предиката *Р*, которые так или иначе отражают степень устойчивости описываемой им ситуации. В большинстве рассмотренных выше примеров пропозиции,

выступающие семантическими актантами *еще* и *пока*, приобретают подобные свойства (ср. временность ее пребывания в Ростове) чисто контекстуально: оказываясь актантом частицы, пропозиция получает данное качество просто в силу отсутствия каких-либо «противопоказаний» к нему.

В то же время существует множество предикатов, которые содержат указания о временности описываемой ими ситуации независимо от контекста — на словарном или энциклопедическом уровне. Такие имманентные характеристики лексических единиц влияют на их сочетаемость с частицами. Примерами могут служить обозначения социально-возрастных категорий — «участков», на которые принято нормативно членить «временную ось» жизненного цикла человека, иногда и с учетом его социального положения, ср.: *ребенок, мальчик, подросток, юноша, молодой человек, зрелый человек, пожилой человек, старик; воспитанник детского сада, дошкольник, школьник, учащийся, студент, молодой специалист, служащий, пенсионер* и т. д. Следует указать на несовместимость подобных обозначений ситуации Р с *пока*, ср. (21) ?*Она пока школьница*; (22) ?*Он пока студент* на фоне абсолютно нормальных примеров (23) *Она еще школьница*; (24) *Он еще студент*. Действительно, употребления *пока 2, пока 4* предполагают неоднозначность нестабильности Р. В то же время именные сказуемые *школьница, студент* однозначно указывают на временность обозначаемых ими состояний, что и объясняет странность (21–22). С другой стороны, если представить, что в (21–22) реализованы употребления *пока*, предполагающие отсутствие у говорящего точных сведений о времени чередования Р → «не Р» (если ситуация Р рассматривается как заведомо нестабильная), то тогда пришлось бы допустить, что говорящий не знает точно, каков предельный срок, в течение которого данному лицу осталось пребывать школьницей или студентом. Но это противоречит нормальным представлениям, так как подобные сведения нормативно составляют общий фонд знаний говорящего и слушающего.

Важно подчеркнуть, что в подобных высказываниях семантическая специфика частиц *еще, уже* проявляется особенно ярко. В таком контексте легко выявляется тот факт, что в сферу действия *еще* допускаются только такие ситуации, из которых в принципе возможен «выход» (в данном случае — переход в следующую возрастную или социально-возрастную категорию). В свою очередь в сфере действия *уже* допустимы лишь ситуации, нормативно имеющие «вход» (здесь — из более ранней возрастной группы). Поэтому, например, аномальны фразы типа (25) *Он уже

младенец (ребенок), (26) **Он еще старик (пенсионер)*, ср.: [4, 55]. Действительно, возрастные категории *младенец, ребенок* маркируют самую первую стадию жизненного цикла, не имеющую, с точки зрения наивной картины мира, никакой предшествующей стадии. С другой стороны, обозначения *старик, пенсионер* соответствуют последнему участку жизненной шкалы, не имеющему выхода ни в какой другой участок той же шкалы. Если же какое-либо наименование соотносится с промежуточным этапом, нормативно имеющим и «вход» и «выход», то оно легко сочетается с *еще и уже*, ср. (27) *Он еще в детском саду / Он уже в детском саду*; (28) *Он еще школьник / Он уже школьник* и т. д.

Эти же свойства данных частиц проявляются в их сочетаниях с обозначениями ситуаций, не соотносимых с участками шкал. Примером может служить самое устойчивое из всех состояний, которое имеет вход, но не имеет выхода: (29) *Он уже мертв*, но (30) *Он еще мертв. Противоположный эффект дает сочетание с частицами обозначения предшествующего состояния, у которого есть «выход», но отсутствует «вход»: (31) *Он еще жив*, но (32) *Он уже жив.

Представляют интерес в этом плане также и наименования ситуаций, выход из которых, будучи в принципе возможным, нормативно нежелателен (при том, что они имеют вход). Так, нормальное восприятие фраз типа (33) *Она еще замужем*, (34) *Он еще женат* предполагает, что слушающий обладает существенно большей предварительной информацией, чем это требуется для понимания фраз (35) *Она уже замужем*, (36) *Он уже женат*.

В большинстве случаев коммуникативная структура высказываний, образуемых сочетанием частиц с данными обозначениями, получает несколько иную интерпретацию по сравнению с примерами типа (9), где предполагается, что слушающему известно, какая нестабильная ситуация («она находилась в Ростове») имела место ранее. В принципе фразы типа (23–24) также могут быть проинтерпретированы по подобной схеме. В самом деле, в частном случае при их осмыслении слушающий может исходить из конкретных прагматических презумпций относительно конкретного лица. Так, произнося (37) *Иван еще студент*, говорящий может исходить из предварительной информированности слушающего о том, что Иван был студентом, а цель (37) состоит в сообщении того, что к моменту речевого акта он еще не закончил ВУЗ. Аналогично (38) *Иван уже студент* может быть ориентировано на предварительную осведомленность слушающего о намерении Ивана стать студентом, например, о сдаче им вступительных экзаменов. Тогда (38) сообщает, что Иван достиг своей цели.

Однако другое, более вероятное осмысление данных и многих других похожих примеров привязано к иной схеме: в этих ситуациях слушающий впервые узнает о том, на каком стадийном участке жизненного цикла находится лицо, ставшее предметом обсуждения. При этом ситуация Р, обозначенная наименованием текущего «этапа», как бы помещается в контекст развития некоторого воображаемого процесса, благодаря чему она начинает рассматриваться как участок определенной шкалы и получает ту или иную количественно-аксиологическую оценку «с точки зрения» данной шкалы. Тем самым *еще* и *уже* маркируют не чередование (или сохранение) определенных ситуаций, а эволюцию их количественной оценки ('еще мало' / 'уже много'). Выделяются, например, такие типы шкал: «возраст», «степень зрелости», «уровень возможностей», «степень достижений». Одна и та же ситуация может иногда рассматриваться как участок разных шкал и оцениваться по-разному.

Так, (39) *Он еще ребенок (в детском саду, школьник)* может интерпретироваться как 'Он ребенок (в детском саду, школьник), т. е. ему еще далеко до преклонного возраста' (абсолютная оценка «мало» по шкале возраста) и, с другой стороны, как 'Он ребенок (в детском саду, школьник, т. е. еще не достиг зрелости)' (абсолютная оценка «мало» по шкале зрелости). Обратимся к дальнейшим примерам. (40) *Он уже старик (пенсионер)* = 'Он старик (пенсионер), т. е. уже достиг (близок к) преклонного возраста' (абсолютная оценка «много» по шкале возраста); (41) *Он уже в детском саду (школьник)* = 'Он в детском саду (школьник), т. е. уже достиг возраста большего, чем можно было ожидать' (относительная оценка «много» по шкале возраста);

В этом плане представляют интерес конструкции типа *ему под (за) X лет*, используемые для приблизительного указания на зрелый или поздний возраст, соответственно меньший, чем X (*под X*) или больший, чем X (*за X*), где X — число лет, кратное 10, и больше 20 (ср.: **Ему под (за) 10*, **ему под (за) 20*, но *ему под 30 (40, 50...)*, *ему за 30 (40, 50...)*).

Поскольку подобные структуры ориентированы на указание зрелого или преклонного возраста, в них естественно употребляется *уже*: (41) *Ему уже под (за) 30 (40, 50)* = 'Ему меньше (больше) 30 (40, 50) лет, т. е. он уже достиг зрелости' (абсолютная оценка «много» по шкале зрелости); (42) *Ему уже под (за) 60 (70, 80...)* = 'Ему меньше (больше) 60 (70, 80...) лет, т. е. он близок (или достиг) к преклонному возрасту' (абсолютная оценка «много» по шкале возраста).

По понятным причинам в данных конструкциях недопустимо употребление *еще* — ср. **Ему еще под (за) 30 (40, 50...)*. В то же время *еще* вполне употребимо в функционально схожих «приблизительных» конструкциях, которые, однако, не оценивают чей-то возраст как зрелый или преклонный. Здесь мы сталкиваемся со шкалой иного типа: (43) *Ему еще около 30 (40, 50) лет* = 'Ему около 30 (40, 50) лет, т. е. его возможности еще не исчерпаны (большие)' (абсолютная оценка «много» по шкале возможностей).

Еще один тип шкал представлен в примерах (44–45): (44) *Он уже студент (кандидат, доктор)* = 'Он студент (кандидат, доктор), т. е. уже достиг многого (с учетом возраста)' (относительная оценка «много» по шкале достижений); (45) *Он еще студент* = 'Он студент, т. е. еще не достиг многого' (абсолютная оценка «мало» по шкале достижений).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ю. Д. Апресян. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика, вып. 28, М., 1986.
2. И. М. Богуславский. Сфера действия лексических единиц // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1993.
3. Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов, М., 1982.
4. Е. М. Вольф. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
5. Е. В. Падучева. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.